

НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Андрей КРУЗ
Мария КРУЗ

АР-ДЕКО

Annotation

То, что мы задумали на этот раз, без ложной скромности можно назвать ограблением века. Камни, самые чистые, самые крупные, да к тому же способные принимать в себя Силу, а значит, становиться артефактами. Бриллианты, привезенные «Де Бирс» со всего света на аукцион в зону Большого Каира и охраняемые так, как в русской сказке Кашей охранял пресловутое яйцо. Но мы придумали, как их взять. И все должно получиться, потому что план просто отличный. И подготовились мы тщательнее некуда. Главное, чтоб за эти недели меня не нашли парни Антенуччи, из-под носа у которых я увел деньги букмекерской конторы, или не случилось еще чего непредвиденного. И тогда... Нет, загадывать наперед – плохая примета. А нам даже по мелочи рисковать не стоит. Уж больно много, нереально много стоит на кону.

Андрей Круз, Мария Круз

Ар-Деко

© Круз А., Круз М., 2017

© ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Предисловие

26 августа 1979 года здесь, на Коста-дель-Соль в Испании, умер в возрасте семидесяти двух лет один из самых знаменитых американских гангстеров Алвин Карпис. Тот самый, что был партнером Джона Дилинджера, рулил бандой Карписа-Баркеров и даже считался Врагом Общества Номер Один какое-то время, до своего ареста. С 1934 до 1964 года он просидел в Алькатрасе и Левенворте, потом женился и уехал в Испанию. Говорят, что до самой смерти он держался в форме, но при этом любил выпить. В барах он пытался рассказывать о своем прошлом, но ему никто не верил и над ним посмеивались. Умер он, судя по всему, по своей воле, приняв полный пузырек снотворного под «Джека Дэниелса».

То есть получается так, что мы с ним почти соседи. Я понемногу начал копать в информации о нем, процесс как-то затянулся – и вдруг у меня родилась идея этого романа. Нет, здесь не будет ни Дилинджера, ни Баркеров, ни Карписа, потому что все они умерли или оказались в тюрьме еще в 1934 году, дав возможность ФБР окрепнуть, нарастить мускулы и превратиться из сборища плохо обученных безоружных дилетантов в мощную организацию, победившую в объявленной «войне с преступностью». Все их деяния освещены и описаны, пусть и с разной степенью достоверности, их сыграли в кино и Уоррен Битти, и Фей Данауэй, и Ричард Дрейфус и даже Роберт Де Ниро, так что ничего нового я сказать бы не смог.

Но эпоха окончания Великой депрессии, то есть все, что я начал раскапывать попутно, заинтересовала. И хотя даже мир, в котором происходит действие романа, в большей степени вымышлен, я все же старался придерживаться исторических фактов, переплетая фантазию и реальность. Честно говоря, я получил удовольствие, работая над этим романом, потому что узнал куда больше, чем написал.

Мне не удалось не перевернуть лишь один исторический факт: я сохранил одного из исторических персонажей от ареста и пожизненного срока, прибавил ему для солидности возраст, сменил фамилию на похожую, а вместо тюрьмы дал ему возможность скрыться и вынырнуть в Большом Кауре. И второй персонаж, великий злодей, чуть-чуть увильнет от своей настоящей судьбы, но вскоре вернется на ее рельсы, потому что против судьбы не попрешь.

В книге попадаются реальные исторические персонажи, и с ними было трудней всего. Хотелось приписать чего-то лишнего, но я сдержался. Вы узнаете позднее, о ком речь, и я могу сказать, что не наврал ни в единой детали. Письма, которые упомянуты, были просто написаны другому человеку, но содержание сохранено. Манера одеваться взята из воспоминаний современников. Записки во время «интервью соискателей» сохранились в архиве и уже опубликованы. То есть я постарался ни в малейшей степени не погрешить против исторической правды. Что было, то было.

Кто-то может сказать, что в книге отношения между преступниками слишком братские и дружеские, плохие люди не стоят горой друг за друга, но... видимо, сейчас что-то изменилось. Если почитать документы о временах великой войны ФБР с банковскими грабителями, с удивлением замечаешь, что сыщикам тогда не удалось натравить преступников друг на друга. Никто никого не выдал, а вдовам убитых честно выдавалась их доля. Даже постоянный конфликт между Дилинджером и Малышом Нельсоном, рулившими одной бандой, так и не привел к тому, чтобы они повернулись друг против друга. Они

ссорились, ругались, даже враждовали, но из этого так ничего и не последовало. И опять же следует отметить удивительную верность их жен и подружек. А тот же Дилинджер возил умирающего партнера попрощаться с семьей чуть ли не через половину страны, хотя его в этот момент отчаянно разыскивали.

Да и эстетика эпохи «ар-деко» интересна сама по себе. Машины тех времен, мода, архитектура, музыка. Какие-то мои собственные знания легко влились в текст: с их помощью я старался сделать описываемый мир максимально вещественным, реальным, таким, чтобы книгу можно было не только прочитать, а еще и буквально ощутить пальцами, увидеть, почувствовать себя человеком тех времен. Пусть и не самым честным путем, добывающим себе средства к существованию. Но было бы странно, начав изучать предмет со знаменитого преступника, писать роман о честном человеке. Не думаете?

Пароход «Дух океана», огромный, с черными бортами и белыми надстройками, дымя тремя широкими трубами с красной полосой на каждой, подошел к гавани Порт-Саида с утра, как раз в то самое время, когда в ресторане на палубе первого класса заканчивался завтрак. Сновали одетые в белое официанты, в дальнем углу светлого просторного зала играла арфа, а в воздухе висел запах кофе и ванили. Последний завтрак на борту, еще час или чуть больше – и я окажусь на берегу, а наша компания, образовавшаяся за время путешествия и занимавшая сейчас шестиместный стол, разойдется по своим делам.

– Еще кофе? – спросил я у молодой курносой девицы, сидевшей слева от меня.

Она нарочито скромно улыбнулась, бросила украдкой взгляд на худую и высокую даму с длинноватым английским лицом и птичьим профилем, сидевшую напротив, затем кивнула:

– Благодарю вас, Роберт, очень любезно с вашей стороны.

Я сделал знак официанту, который меня понял и немедленно подошел с кофейником. Наполнив ее чашку, он вопросительно посмотрел на меня:

– Сэр?

– Да, пожалуйста. – Я чуть подвинул блюдце с чашкой, чтобы ему удобней было налить.

– Роберт, вы надолго в Каир? – Невысокий пузатый человек лет пятидесяти, сидевший напротив, намазывал маслом тост, а клубничный джем в розетке ожидал своей очереди.

– Не знаю, доктор, – повернулся я к нему. – Я даже пока не знаю, по делам я в Каире или просто из любопытства.

– Никогда раньше здесь не были?

– Пока не приходилось, из Аргентины добираться долго. Вы ведь живете здесь?

– Именно так. – Доктор Бромли важно кивнул и взялся, не скупясь, наваливать на масло джем. – Последние пятнадцать лет. И не думаю что когда-нибудь покину это место.

– Здесь так хорошо?

– Поначалу непристойно жарко, Роберт, но потом привыкаешь. Здесь самый центр мира, ты словно держишь руку на пульсе у всей земли. Нет ни одной сколько-нибудь богатой семьи в этом мире, которая не обосновалась бы в Каире постоянно или хотя бы на часть года. Как вы, кстати, сумели этого избежать?

– Слишком много работы. Отец один не справлялся с управлением активами, а кроме меня он никому не доверял.

– Ваш отец, простите, скончался? – Доктор придал лицу выражение умеренного сочувствия.

– Да, в прошлом году. А теперь я намерен распродать семейные активы и куда-нибудь переехать.

– Вам не нравится Аргентина? – Джем, не удержавшись горкой на масле, капнул на скатерть.

– Буэнос-Айрес великолепен, но наши шахты далеко от него. И это край мира, доктор, а в главном вы правы – хочется держать руку на пульсе жизни. Настоящей жизни.

– Какие-нибудь конкретные планы на жизнь в Каире?

Это уже спросил высокий седой человек с армейскими усами щеткой – полковник Уоллес, ныне отставной, сделавший карьеру на службе в колониях и сейчас решивший переехать в центр мира – в Каир.

– Пока ничего конкретного, – повторил я уже специально для него, Уоллес был туговат на ухо. – Хочу просто оглядеться, полковник.

– Не вздумайте вкладывать деньги в землю, она здесь явно переоценена, – сказал доктор, откусив и прожевав кусок тоста и запив его чаем с молоком. – Почему-то каждый новичок пытается инвестировать в нее и каждый теряет на этом деньги.

– Благодарю за совет. Нечто подобное мне уже говорили.

– Не хочу показаться назойливым, но вам говорили чистую правду. Каждый второй жулик, если даже не первый, пытается продавать недвижимость приезжим.

А то я не знаю. Я еще и сам много историй на этот счет могу рассказать. Просто не буду.

– Как вы планируете развлекаться, Роберт? – спросила сидевшая рядом с девушкой женщина с длинным лицом и птичьим профилем.

– Не думаю, что это представляет проблему в Каире, леди Бриггс, – любезно улыбнулся я ей. – Если бы здесь не было развлечений, то этот ресторан был бы пуст. – Я обвел взглядом действительно заполненный до последнего места зал. – Кто бы сюда ехал? А так я был счастлив, что успел купить билеты первого класса на это судно. Иначе пришлось бы плыть третьим. Или лететь дирижаблем.

Баронесса Бриггс, жена вице-губернатора области Большого Каира, соответственно барона Бриггса. Рыжая девушка рядом со мной – ее дочь Маргарет, но она предпочитает звать себя Марго на французский манер. Впрочем, меня зовут Робертом на манер английский, хотя я Роберто, как и подобает аргентинцу. Правда, из меня что Роберто, что аргентинец... но об этом чуть позже. Или вообще в другой раз. Сейчас это не важно.

– Даже не сомневайтесь, – так же любезно улыбнулась она. – Я просто поинтересовалась какими-то конкретными планами. Планируете быть на дерби?

– Разумеется, – кивнул я. – К сожалению, пока не зарезервировал себе место. Но не думаю, что это будет проблемой.

– Роберт, поверьте, это уже может быть проблемой, лучшие места давно разобраны! – Всплеснув некрасивыми руками с узловатыми пальцами, баронесса изобразила на лице заботу. – Впрочем, с этим мы можем вам помочь.

– Приходите, Роберт, – опять изобразила вежливую улыбку Марго. – Только там вы сможете познакомиться сразу со всем обществом.

А то я не знаю. Я и хотел подвести разговор к этому, но вы начали его сами, за что вам немедленно от меня такое вот большое спасибо. И одно дело прийти на Большие скачки самому и совсем другое – в компании жены и дочери вице-губернатора, тогда сама проблема представления обществу снимется автоматически. Правда, не знаю, насколько мне это знакомство с обществом будет нужно на тот момент, если честно. И нужно ли будет вообще.

– Неловко вас обременять, но... отказаться от приглашения не могу. Леди Бриггс, Марго... моя искренняя благодарность. – Я даже прижал руку к сердцу.

Баронесса рассматривает всех мужчин моего возраста как подходящую или неподходящую партию для дочери. Совсем неподходящим, как я слышал, в категорической форме демонстрируется нежелательность развития знакомства. Полностью подходящих пока не нашлось, потому Маргарет до сих пор не замужем. Почти подходящие идут на скамейку запасных, то есть «в круг общения», и могут надеяться на удачу в будущем, в случае если совсем подходящий на горизонте так и не появится, а незамужний статус Марго начнет напоминать о себе слишком настойчиво. Меня, похоже, баронесса планирует разместить на той же скамейке до лучших времен, про запас. Впрочем, в женихи я и не рвусь, меня вполне

устраивает нынешний статус, о котором леди Бриггс знает довольно мало. То есть вовсе не знает. Марго же знает куда больше, но делиться этим с матерью не спешит.

– Не стоит, Роберт, это мелочи. Мы будем рады вас видеть.

– Малик, как я слышал, выставит сразу двух новых коней, их заранее прочат в фавориты, – вступил в разговор пожилой джентльмен в круглых очках в золотой оправе и с блестящей лысиной.

Уолтер Мак-Кинтайр, какой-то большой начальник из «Скотс Ройал Бэнк», едущий в Каир, как я понял, с инспекцией местных филиалов.

– Вы ставите на лошадей? – обернулся я к нему.

– Что за смысл ходить на скачки и не ставить? В моем возрасте уже приходится щекотать нервы искусственно. – Он засмеялся, продемонстрировав неестественно белые и ровные зубы. – А вы?

– Я люблю лошадей, но совсем не азартен. Рассматриваю скачки скорее как выход в общество. Нет, ставлю, разумеется, но обычно неудачно, так что небольшие суммы.

Вообще-то лошадей я терпеть не могу, но говорить об этом вслух в британском обществе как минимум глупо. Это как признаться в том, что ты находишь лисью охоту невероятно скучной, а чай с молоком неуместным и даже противным.

– Здесь входит в моду соколиная охота, не слышали? – спросил меня доктор. – Арабские шейхи занесли ее в общество. Даже есть клуб соколятников.

– Довелось слышать, – я повернулся к нему, – но не думаю, что я когда-нибудь стану ее поклонником. Если я охочусь, то предпочитаю делать это своими руками, а не доверять птице.

– А как охота в Аргентине?

– Неплоха, особенно в Патагонии. Если вы охотник, то вам следует когда-нибудь попробовать.

Никогда не охотился в Патагонии, но это не важно.

– Я пока не завершил свой поход за «Большой пятеркой», – явно загордился доктор. – И мы, в конце концов, сейчас в Африке, Роберт. Мой старый друг еще по Оксфорду, живет в Кении, у него там плантация, поэтому мне проще всего раз в год навещать его. В прошлую поездку добыл на удивление крупного леопарда.

– В Африке мне охотиться пока не приходилось, к сожалению, – легко уступил я пальму первенства доктору. – Времени на путешествия оставалось очень мало.

– Но теперь, как я понимаю, его у вас прибавится?

– По крайней мере я на это надеюсь, – усмехнулся я. – Боюсь, что начну здесь какое-нибудь дело до того, как отдохну от прошлого. Впрочем, безделье развращает.

Это уже подача на сторону баронессы, пусть услышит. Нет, на руку ее дочери не претендую совсем, мне и так хорошо, но вот ей знать об этом не надо. Ей надо знать, что я наследник семейного состояния и готов приумножать его дальше. И я старше, чем основная масса претендентов на руку Марго, мне уже за тридцать, что должно создавать мне некий ореол солидности в отличие от богатых наследников из числа тех, с которыми ей приходится иметь дело. Или наследников титулов.

– Роберт, скажите, а почему ваша фамилия звучит настолько... гм... не по-испански? Это обычно для Аргентины? И вы не похожи на испанца.

– Аргентина населена всеми подряд на самом деле. – Баронесса предсказуема, она уже задумалась. – Мой дед приехал туда из Нидерландов, с женой. Мой отец женился на

местной, но местная была такая же, как и он сам, то есть приезжая, польского происхождения.

Во мне нет ни капли голландской крови, насчет польской точно не скажу, но в сочетании с моей ненастоящей фамилией звучит это хорошо: голландцы и англичане испытывают друг к другу некий взаимный пиетет. Тут и родство королевских домов, и многое другое. Представься я немцем или французом и уж тем более раскрой свое истинное происхождение, баронесса может потерять интерес. Нидерланды – это именно то что надо. И лишних расспросов не будет.

Завтрак закончился. Я выразительно посмотрел на часы, поднялся из-за стола, всем разом улыбнувшись, сказал:

– Боюсь, что вынужден вас покинуть, мне надо успеть собраться. До прибытия всего тридцать минут, если судно идет по расписанию.

– Уилфрид может вам помочь, – сказала баронесса. – Наши вещи должны быть уже собраны.

Уилфрид – это их дворецкий, невысокий и натужно чопорный человек с лысиной.

– Там не так много, но за предложение спасибо. Я справлюсь, у меня на приисках дворецкого не было.

Да, такое вот небрежение статусом. Баронесса сейчас должна восхититься моей самостоятельностью, наверное. Жил сам, без гувернантки и даже дворецкого. Просто Тарзан в джунглях.

– Вас встречают? Я имею в виду в Каире?

– Поеду поездом, посмотрю в окно.

– В любом случае мы еще увидимся перед тем как сойдем на берег. – Она сдержанно кивнула, но при этом улыбнулась, демонстрируя расположение. Похоже, что меня немного сдвинули на скамейке запасных в начало очереди.

– Нам еще предстоит поездка на поезде, леди Бриггс.

– К сожалению, там мы вам не сможем составить компанию, мой муж прилетит за нами автомобиль.

Ну да, так даже удобней, наверное, а мне еще пересадка предстоит.

Толстый ковер на полу заглушал шаги. Салон понемногу освобождался, люди спешили в свои каюты для последних сборов. Через открытые двери салона снаружи, несмотря на морской ветерок, тянуло оглушающей жарой. Египет, никакая европеизация не смогла изменить здешний климат. Впрочем, чуть дальше от побережья и жара переносится легче: воздух сухой.

В коридоре, куда выходили двери кают, было тоже тесновато, несмотря на первый класс. Все суетились, бегала с озабоченным видом прислуга, кое-где уже тащили багаж к месту высадки. Я не первый раз путешествую морем и даже первым классом не первый, так что могу подтвердить – всегда все так и происходит.

Замок щелкнул, дверь распахнулась, пропуская меня в каюту. Не самая просторная, потому что на одного, но и далеко не тесная. Снял легкий пиджак из сирсакера, повесив на вешалку, распустил галстук. Посмотрел на пиджак с сомнением. Пошив всего этого гардероба в Неаполе, в «Английском доме» Дженера Рубиначчи, встал мне в копеечку, пробив немалую дыру в бюджете. Это инвестиция в будущие прибыли, так что хорошо, чтобы она окупилась. Подошел к зеркалу над бюро, поправил волосы. Никак не привыкну к тонким усикам a-la Кларк Гейбл, равно как и к прическе, но это даже хорошо.

Дверь за спиной распахнулась, я ее специально не запираю.

– Роберт, у нас мало времени! – с ходу объявила Марго. – *Матап* уже вся в нервах, боится, что мы опоздаем или что-то потеряем, хорошо, что Уилфрид такой невозмутимый.

– Если времени мало, не надо его терять. – Взяв Марго за плечи, я развернул ее к кровати. – Нагнись.

Вопросов не последовало, так что мне осталось лишь поднять на ней платье и спустить с нее шелковые панталоны, открыв круглую белую задницу. К счастью, в таком климате не носить с утра чулки допустимо в обществе, а то бы еще пришлось с резинками возиться.

Гавань Порт-Саида, расширенная в середине двадцатых, поражала воображение своими размерами. Огромный «Дух океана» почти потерялся среди множества других судов, медленно двигаясь к месту швартовки. Напротив, у восточного берега, выстроился флот Лиги Наций с парой десятков военных кораблей самых разных размеров и типов, среди них скалой возвышалась серая громада «Королевского дуба» – британского линкора, на котором держал флаг командующий международной эскадрой. Заинтересованные игроки зорко следили за тем, чтобы никто не мог навредить их такой ценной собственности, как Зона Большого Каира.

«Дух океана», толкаемый двумя буксирами, пришвартовался у здания вокзала. В Порт-Саиде задерживались немногие – тут город рабочий, обслуживающий канал и торговлю через него, подавляющее большинство пассажиров сразу же пересаживалось на поезд, которым они ехали уже в Каир. Мой багаж был оплачен до самого Каира, так что к трапу я подошел с одним саквояжем, пусть и объемистым.

Солнце. Такое яркое, что даже светлые поверхности, если на них смотреть, заставляют щуриться, так что даже шляпа-канотье, она же boater, не спасает. Пришлось надеть темные очки в черепаховой оправе. Ну и новому крою пиджака «дроп кат» спасибо, по крайней мере под него чуть-чуть поддувает ветерок.

В «морском зале» вокзала с десятков кабинок из темного дерева, в которых сидят служащие таможенной службы Зоны Большого Каира, которые тут заодно уполномочены и паспорта проверять. Мой паспорт попал в руки невысокому красномордому толстяку, явно страдающему от жары даже здесь, в зале, судя по пятнам пота на его плотной форменной рубашке цвета хаки. Я специально встал в очередь к нему, потому что такие страдающие обычно еще и самые невнимательные.

– Цель вашего визита, мистер Ван Дер Меер? – Скорей всего Ливерпуль или Манчестер, в иммиграционной службе работают в основном подданные его величества.

– Бизнес, – улыбнулся я, снимая очки. – Предположительно. Или отдых.

– Направляетесь в Каир?

– Именно так.

– Приятно провести время, сэр. – Он вернул мне паспорт и кивнул следующему за мной в очереди, приглашая того, а я проследовал дальше, уже в зал ожидания.

Саквояжем никто не заинтересовался: таможня пассажиров первого класса почти никогда не проверяет. Впрочем, ничего особо криминального в моем саквояже нет, кроме разве что небольшого пистолета «маузер» модели десятого года, скромно упакованного в несессер для бритвы вместе с запасным магазином.

Зал для пассажиров первого класса сейчас был пустоват. Многие уезжают на машинах, нанимают такси или лимузины. Может, и мне стоило бы, а может и нет.

Выудив из кармана монету, бросил ее в копилку газетного автомата, вытащив взамен свежий номер «Каирского курьера». Поднимусь в бар, что на галерее зала ожидания, и почитаю под кофе. Кофе на судне был, если честно, так себе, не сказать хуже, а в баре, как я вижу, за стойкой египтяне в красных фесках – вот они сумеют сварить правильный кофе.

Две трети столиков в баре пока пустовало, а едва я уселся за один из них, тяжелый, на кованом основании и с гранитной столешницей, как ко мне немедленно подскочил

официант.

– Кофе, – сказал я ему без всяких дополнительных объяснений.

Если просто кофе, то именно такой, какой мне нужен.

Что у нас с новостями? Завершают строительство железной дороги в Александрию, которая стала одним из самых модных курортов на Средиземноморье. А заодно, отметил я про себя, замыкает северо-западный угол треугольника Большого Каира, области под покровительством Лиги Наций и управлением преимущественно британской администрации, ибо корона заодно приняла область в свой состав на правах доминиона. Забавно, учитывая тот факт, что египетский малик хоть и числится соправителем, но власть его начинается за территорией Большого Каира, а так ему страны-покровители просто платят ежегодно немалые суммы, не более того, и уж на доминион реальный статус территории никак не похож.

Кстати, а в Александрию надо будет съездить, но только после того, как все дела свои завершу. Может, к тому времени и поезда туда пустят, а то пока или машиной, или пароходом по Нилу.

Что еще? Генерал-губернатор области объявил о том, что совет утвердил зоны распространения анклавов и определил четкие границы, поскольку уже не раз возникали конфликты между районными администрациями. Ну да, французский сеттльмент по этому поводу постоянно конфликтует с австрийским, это точно.

Принесли кофе и стакан воды со льдом. Божественно! Как бы на пароходе научиться так делать, а не в кофейниках бурду разносить?

Криминальная хроника. В своем доме убит некто Михаэль Цоммер, представитель швейцарского банка «Райхмут». Старший суперинтендант полиции города Каира Джеймс Оккли сообщил прессе, что банкир стал жертвой ограбления, во время которого что-то пошло не так. Свидетели заметили светлый седан, стоявший возле ворот дома, но разглядеть номер или даже точно определить цвет машины они в темноте не смогли.

Светская жизнь. Ожидается брак Лоры Сеймур, наследницы огромного состояния в виде металлургических заводов, и старшего сына графа Конти, итальянского аристократа, даже не слишком обедневшего. Что-то я еще про Конти слышал интересное, но лень вспоминать сейчас. Да и черт с ним.

Что еще? Судебные новости. Тяжба администрации американского сектора и городского совета. Американцы собрались строить небоскреб, может, просто по привычке, а городская администрация наложила на проект вето, мотивируя тем, что подобное можно осуществлять в центре города только при наличии ее согласия, а утаскивать деловой центр в свой сектор недопустимо. К тому же это нарушит архитектурный облик города. Американцы возражают просто: земля куплена нами. Что хотим, то и строим.

Это уже не первый конфликт такого рода: пока городской совет побеждал, но сейчас высока вероятность того, что суд преодолет вето, а именно он является здесь высшей инстанцией. И тогда создастся прецедент, согласно которому каждый сможет строить то, что ему в голову придет.

Крикет, результаты матчей, футбол... ожидается заплыв аутригеров по Нилу, дистанция в две мили, команды сеттльментов. Букмекеры принимают ставки, фаворитами считают немцев. Они последние три года выигрывали. Бой Марселя Тиля, действующего чемпиона в среднем весе, с Дэнни Брауном, претендентом из Америки. Все ставят на Тиля, но Браун считается серьезным противником, у него уже счет двенадцать-три, причем десять нокаутом.

Интервью с Томасом Мерчем, австралийцем, который организует следующую гонку яхт от Александрии до Гибралтара и обратно. Ага, к ее началу и хотят подгадать с открытием дороги. И там же, в Александрии, строится кольцо для автогонок.

Два человека в светлых костюмах и шляпах, у одного канотье, у другого вполне американский стетсон, только не ковбойский, а ближе к «трилби», просто соломенному. Да и костюмы американского покроя, это заметно. Про акцент говорить точно не будем. Сели за два столика от меня, вместо кофе заказали виски, несмотря на ранний час. Но американцы могут пить в любое время, это не секрет ни для кого.

У одного из них шрам от ножевого пореза на лице: кто-то когда-то, похоже, хотел резануть его по глазам, да не сподобился, угодил по скуле, оставив горизонтальную черту. Да и сам он похож на натурального громилу. Второй моложе, улыбчивый такой, шляпа сбита лихо на левое ухо, но опытный глаз не обманешь – тоже гангстер.

В Большом Каире много преступников, огромный город позволяет им скрываться, а полиция берет взятки – никуда от этого не денешься. Много своих, но хватает как гастролеров, так и тех, кто решает сменить место проживания. В международном анклавнике никто не выглядит чужеродным, тут вроде как все свои. Вот мне и интересно, эти сюда отдыхать, на одно дело или переехали откуда-нибудь из Чикаго, где их жизнь прижала? Пару лет назад ФБР отстреляло и отловило самых известных грабителей, многие потом залегли на дно или сменили род занятий, кто смог. Рэкет грабителей к себе не берет, говорят, что за ними слишком горячий след, вот и мыкаются.

На всякий случай запомню лица. Я лица вообще хорошо запоминаю.

Я успел выпить два кофе, прежде чем объявили посадку. Может, и правда лучше было машину прямо отсюда нанять, так бы уже минут сорок как был в пути. Американцы тоже засуетились и направились на платформу первого класса, практически следом за мной. Сколько шел, столько слышал их разговор у себя за спиной. На платформе наши пути разошлись по разным вагонам.

Поездка недалняя, так что вагоны тут все сидячие, по два кресла, обитых синим плюшем, в ряд с каждой стороны. Бесплатные журналы на входе, проводник-египтянин раздает напитки с сервировочного столика. Я взял себе колу и журнал «Нэшнл джиогрэфик»: пока долистаю, как раз и приедем.

Голос из динамиков объявил, что дизель-экспресс «Золотая пирамида» отправляется по маршруту Порт-Саид – Каир, сообщил, что двери закрыты, а затем поезд и вправду тронулся: перрон медленно поплыл перед окнами. Почти опоздавшая немолодая дама изъявила желание протиснуться мимо меня и оказаться в кресле у окна, так что мне осталось пропустить ее и вежливо снять шляпу, повесив на крючок на спинке переднего кресла. Впрочем, высокая спинка кресла и так мешала сидеть в шляпе.

Промышленный пейзаж за окном быстро сменился полями и садами, дорога тянулась по самому краю плодородной дельты Нила. Земля в этом месте, насколько я слышал, принадлежала в основном компании «Юнайтед Фрут», а местные крестьяне теперь больше работали на нее по найму. Впрочем, также слышал, что по меркам ранее совсем нищего Египта они оказались не внакладе и зарабатывают больше, чем раньше. Равномерный стук колес на стыках рельсов действовал усыпляюще, я даже пару раз задремал, просыпаясь только от того, что журнал выпадал из рук. Дама же рядом со мной была полностью погружена в журнал мод. Я даже заметил, как она быстро, чтобы я не заметил, пролистала раздел белья, а я краем глаза в рекламе «Сирса» заметил точно такие же шелковые

панталоны, какие пару часов назад сдернул с Марго. Кстати, вполне себе успели, хоть и несколько суетливо. Хорошо, что Марго если и не красавица, то хотя бы симпатичная, хоть и пухловатая, потому как если бы она была уродиной – мне все равно пришлось бы с нею этим заниматься. Я ведь не от страсти, я это все по делу.

Под крышу каирского вокзала «Кинг Тут» поезд втянулся через два с половиной часа, зато точно по расписанию. Я оставил журнал в кресле, сдернул канотье с крючка, подхватил свой саквояж с полки и поспешил к выходу, сунув проводнику монету в шиллинг, которую он с радостью принял.

Багаж могли доставить в отель, но я предпочел его дожидаться, после чего с носильщиком мы направились к стоянке такси первого класса – еще одно преимущество или быть богатым, или богатого изображать, вот совсем как я. Компания «Фараон такси» работала с состоятельными клиентами и оперировала исключительно новыми «Ситроенами» с просторными салонами и достаточного размера багажниками, так что два моих чемодана разместились без проблем: один в самом багажнике, второй на откидную решетку.

Каир и Большой Каир – разные города, хоть и рядом находятся. Каир – по-прежнему скопление множества трущоб и небольшого количества дворцов, населенных египтянами, а Большой Каир отгорожен от них границей, которую так просто не пересечешь. И город на девяносто процентов европейский, если считать американцев еще одной версией европейцев. Он построен практически с нуля, по американской схеме с идущими с востока на запад улицами и тянущимися с севера на юг авеню, поначалу номерными и постепенно переименовываемыми, застроен новыми домами, и даже трущобы тут совсем не похожи на египетские, равно как и их население. С тех пор как людям открылись источники Силы в Долине Царей и в Луксоре, сюда переселилось великое множество народу со всего света. Ну, у кого хватило денег хотя бы на билет.

Поэтому водитель такси оказался французом, а не местным, а на улицах, по которым ехала машина, люди выглядели так, словно мы в Нью-Йорке, например. Или в Берлине.

После недолгого пути, благо вокзал находится в центре, такси нырнуло под красный маркиз отеля «Ритц», что расположился прямо на Гранд-авеню, считай главной улице города. Подбежавший швейцар распахнул мою дверь, а посыльный уже выгружал чемоданы на тележку. Я лишь попрощался с таксистом, сунув ему пару шиллингов чаевых, и направился в роскошный, весь красный с полированной бронзой подъезд отеля. Стоимость самой поездки включают в счет за номер.

Номер я забронировал по телеграфу с борта парохода, так что он меня ожидал. Номер как номер, ничего особенного, не сюит, тут я все же сэкономил, как смог, хотя в этом отеле много не наэкономишь. Дальше я сунул чаевые портье, который показал мне комнату и принес ведро льда для бара, сунул посыльному, поднявшемуся с моим багажом, и, уже закрыв за ним дверь, вздохнул, наконец, с облегчением. Первый класс первым классом, но путешествие по жаре все равно выматывает.

Ладно, багаж горничная разберет – я ей тоже пару шиллингов на тумбочке оставлю, туфли сменю, а эти за дверь для чистки выставлю, но больше мне здесь особо делать нечего. Марго, полагая, что расстраивает меня, сказала, что сегодня и завтра никак меня навестить не сможет. Не потеря на самом деле, ничего страшного, пусть не расстраивается.

Итак, теперь о том, что горничной находить не нужно. Я выудил из саквояжа несессер, открыл, из него вытряхнул в руку небольшой черный пистолет с эбонитовыми щечками

рукоятки, с маузеровским «бочонком» клейма на нем, запасной магазин, набитый желтыми маленькими патронами, и маленькую замшевую наплечную кобуру. Ничего криминального, в сущности, если не считать провоз через границу. Получи в участке справку о том, что ты не злодей, и покупай в магазине, но все же горничной это видеть не нужно.

Надел кобуру под пиджак, посмотрелся в зеркало – нет, незаметно. Модный ныне покррой, при котором пиджак образует даже свободные складки, как нельзя лучше подходит для ношения оружия. А пистолетик маленький, двадцать пятый калибр, на мне он и вовсе теряется. Вторая проблема в том, что приличные люди того круга, принадлежность к которому я изображаю, с пистолетами не ходят. Могу сослаться на жизнь в далекой Аргентине и приобретенные там привычки, но все же лучше держать это в тайне. А совсем без оружия мне ходить не стоит, есть тут у меня... гм... потенциальные проблемы.

Второй кэб привез меня в Латинский квартал – на самом деле сразу шестнадцать кварталов на границе французского и американского секторов города. Нет, между ними никаких заметных границ нет – деление условное, отчасти потому что в каждом секторе свой совет, но границы всем местным хорошо известны. С парижским Латинским кварталом это место внешне совсем не схоже, но вот по наличию богемы нечто родственное между ними есть. Такси высадило меня на углу авеню Наполеон и Тридцать пятой улицы, откуда я отправился дальше пешком, больше пользуясь проходными дворами.

Вот подворотня за булочной-пекарней, откуда божественно пахнет ванилью и сдобой, – мне туда, и вот я в небольшом дворе, у заднего входа в дом, дверь в который я открыл ключом. Короткая лестница – и я в прихожей своей квартиры. Не собственной, но снимаю давно. Именно так, тут я обычно и живу, когда нахожусь в городе. Я практически местный.

Далеко не трущоба, но ничего особенного. Приличный район, в котором живет кто угодно: от художников до банковских менеджеров. Две спальни наверху, гостиная на первом этаже. Там же и кухня. Ванна наверху.

Теперь переодеться. В этом квартале костюм от Рубиначчи выглядит излишеством – не нужно сильно выделяться. Другой костюм попроще, но приличный, со спортивной курткой вместо пиджака, серый, хлопок; вместо канотье надел шестиклинную кепку в стиле «нюсбой», легкую, как раз для жары. И темные круглые очки в черепаховой оправе в карман – в таком наряде меня и узнать трудно будет. И да, маленький «маузер» пока дома полежит, а вместо него будет «сэвэдж», под.380 калибр, то есть девять миллиметров. Мне с ним чуть спокойней.

Спустился вниз, вышел опять через черный ход, спугнув какого-то рыжего кота, во двор, потому что у каждой квартиры тут еще и гараж имеется. Отпер ворота, распахнул – вот он, тот, кто меня ждал. «Форд Ви-Восемь», трехконное купе нежно-палевого цвета. Два года назад я отдал за него сто двадцать фунтов. Может быть, баронесса Бриггс и глазом не моргнет при упоминании таких сумм, но мне машина нравится. Семьдесят пять лошадиных сил, большой мотор, разгоняется до пятидесяти миль в час за одиннадцать секунд. Недаром Клайд Барроу, грабитель, написал Генри Форду благодарственное письмо за эту модель. Он только их и воровал в качестве «машины отрыва», разве что седаны – на них они с Бонни и убегали от полиции, которая безнадежно отставала.

Открыл, распахнув назад, водительскую дверь, сел на мягкий диван, обтянутый бежевым плюшем. Ореховая приборная доска, в нее вставлена панель приборов из полированного алюминия. Такая же деревянная облицовка на дверях, модель-то «делюкс», я за опции двенадцать фунтов доплатил. Шестьдесят долларов – в общей сложности немало.

Ключ в замок, кнопка стартера – рыкнул под капотом фордовский «флэтхэд», две трубы сзади выбросили облака дыма. Дать прогреться, не залить, и можно ехать. Дым, кстати, быстро исчезает, мотор хороший. Надо бы смазать все как положено – постояла машина, но не сейчас же, в костюме, лезть? В гараж заеду, там сделают.

Машину на улицу, ворота закрыть. В окне второго этажа соседней квартиры показалась соседка. В руках тряпка, явно окно мыть собралась.

– Поль? Ça va? Давно вернулся? – Она говорила с сильным французским акцентом.

– Только сегодня, мадам, – улыбнулся я ей. – Был в Лондоне. Погода просто

отвратительная, все время дождь.

– Там осень уже много лет, вы просто от этого отвыкли.

Мадам Леруж невысокого роста, худая, с узким лицом и острым носом, замужем за чиновником из мэрии французского сектора. Когда мужа дома нет, она начинает оказывать мне всякие знаки внимания при встрече.

– Все верно, здесь нетрудно отвыкнуть от осени, а от лондонской в особенности. Как у вас дела? Как Пьер?

– У нас, слава богу, все хорошо, – немного тускловато улыбнулась она. – У Пьера был сердечный приступ, даже вызывали доктора, но, к счастью, все обошлось.

– Передавайте привет, – пустил я последнюю стрелу целомудрия в ее замыслы и снова уселся за руль.

Все, теперь к делам. Дела не ждут, дела зовут, а зовут особенно громко, потому что наличные деньги заканчиваются. Вести долго жизнь богатого наследника у меня уже не получится. Машина выехала через арку на улицу, и там я свернул направо. Пока мне недалеко, в американский сектор, как раз на другую сторону невидимой границы. Навстречу тут же попался еще один «Форд V8», только модели «фордор», седан, в сине-белой полицейской окраске и со звездой Лиги Наций на дверях. Их тут пару лет назад в некотором количестве закупили после попытки ограбления «Национального золотого». Тогда банда грабителей хоть и ушла без добычи, но все же ушла, убив двух охранников и двух констеблей. А так они ездят больше на «Шевроле Стандарт», они подешевле. Но и помедленней. Правда, новые «шеви» идут с моторами помощней, но в полиции их пока нет.

Поворот, еще один, и вот я остановился у тротуара, прямо перед витриной антикварного магазина «Сокровища фараонов». Но пошел не туда, а в небольшой бар рядом, с парой зонтиков у входа, под которыми за плетеными столиками с чашками кофе сидели три человека, и длинным, пустым сейчас, полутемным помещением, разделенным на четыре кабинки. Во весь зал вытянулась стойка, за которой сидел на высоком стуле грузный мужик в белой сорочке с закатанными рукавами и надетом поверх нее переднике. Мужик, зажав в зубах дымящуюся сигарету, читал результаты скачек в спортивном приложении к «Курьеру».

– Не ставь, Джимми, на скачки, останешься без штанов, – сказал я с порога.

– Босс не допустит, – усмехнулся тот, отложив газету. – К нему?

– Именно так. Чем угостишь?

– Могу продать пинту пива, – снова кривовато усмехнулся он.

Не кривовато усмехаться у него не получается. Джимми раньше был боксером, а заодно участвовал в подпольных боях – это где совсем без перчаток, и там ему повредили какой-то лицевой нерв. Теперь левая половина лица у него почти что неподвижна.

– Продавай, – согласился я. – Счет открой.

Джимми накачал мне пинту «Чаррингтона», стараясь долить до самого края бокала, аккуратно поставил его на стойку.

– Пять пенсов.

– Подорожало, что ли? – забеспокоился я.

Джимми ничего не ответил, лишь продолжал молча смотреть на меня.

– Ни души, ни сердца, – вздохнул я. – Sin alma, sin corazon, как говорят у нас в Аргентине.

Держи. – Я выудил монетку в таннер^[1] и хлопнул ее на стойку. – Оставь пенс себе на чай, не нужен он мне. Не жалко.

– Да как скажешь. – Джимми смахнул своей ручищей деньги в кассу. – Звать босса?

– Зови.

Джимми неторопливо вышел из-за стойки и исчез в подсобке. И через пару минут вернулся в компании невысокого седовласого джентльмена плотного сложения, одетого в мятый льняной костюм и полосатую сорочку с голубым галстуком-бабочкой. Джентльмену было за пятьдесят, и работал он антикваром, как раз в магазине за стенкой, который ему и принадлежал. Бар принадлежал ему тоже, хотя официально владельцем числился Джимми.

– Эндрю, наконец-то! – явно искренне обрадовался он мне. – Присаживайся. Ты уже заказал? Джимми, мне апельсиновый сок выдави. Присаживайся. – Джентльмен показал мне на дальнюю от входа кабинку.

Мы уселись друг напротив друга, Джимми передвинулся за стойкой подальше от нас, словно желая продемонстрировать, как он не подслушивает. Может, и вправду не подслушивает, потому что верен он был Майклу Сингеру, как звали антиквара, почти что ненормально. Поговаривали, что Сингер когда-то его спас, выкупив его голову у какого-то совсем безбожного рэкета в Чикаго. Хотя сам Сингер родился и вырос в Нью-Йорке.

– Какие новости?

– Мы уже встречаемся с Маргарет Бриггс. Втайне от мамочки. Правда, мне пришлось прожить в Лондоне два месяца до того, как нашел к ней подход.

– Это хорошо, – удовлетворенно кивнул Сингер. – Это очень хорошо.

– Дорого обошлось, – намекнул я.

– Ну а как иначе? – старательно не понял намек Сингер. – Таковую жизнь вести недешево. В случае чего могу ссудить какой-то суммой.

– Ссужать не надо. – Я не настолько псих, чтобы брать кредит у Сингера. – Нет ничего интересного, денежного?

– Может, и есть, дай подумать. Назначена дата аукциона. Так что тебе следует проявить активность.

– А лорд Бриггс точно хранит это дома?

– Точно. Источник надежный. Кстати, тебя искали.

– Кто-то хороший или кто-то плохой?

– Ну зачем тебя искать кому-то хорошему? – усмехнулся Сингер, затем вдруг стал серьезным. – Люди Антенуччи заходили. Сам понимаешь, что прикрыть тебя от них я просто не могу, не моя весовая категория.

Это точно, не та. Антенуччи работает на некий союз сицилийцев, приехавших сюда как с самого острова, так и из Америки. Даже не работает, а рулит тут всеми их делами, так точней будет. И они тут неплохо развернулись, контролируя подпольную лотерею, ссудный бизнес, игры и продажу героина в Америку, полностью забив сицилийский транзит. Это не те люди, с которыми хочется связываться, и знай я заранее, с кем имею дело, может быть, и повел бы себя по-другому. А может, и нет. К счастью, они точно не знают, где я живу. Никто не знает, я думаю. При моем роде занятий не следует раздавать визитные карточки с адресом всем подряд. Думаю, что это меня пока и спасало.

Ладно, убивать они меня сразу не станут, а если меня сразу не убивать, то ситуация повсякому может повернуться. Так что не будем терять бодрости. К тому же они редко без нужды выходят за пределы Маленькой Италии, поэтому риск столкнуться случайно тоже минимален.

– Еще слух прошел, что какие-то боевые артисты из Америки тоже хотят навестить аукцион.

– Это нереально, – пожал я плечами. – Безопасность будет невероятной.

– Они пока этого не знают. Информация точная.

Я вдруг вспомнил тех двух гангстеров, которых видел сегодня на вокзале.

– Знаешь кого-нибудь со шрамом вот здесь? – Я показал пальцем. – Рослый такой, крупный, носит стетсон?

– Хм, – Сингер задумался, – выглядит как Гусь Шихан, он раньше хлопал банки по всему Мидвесту. Ты не обратил внимание, как он ходит?

– Нет, видел сидящим только.

– Походка у того... поэтому его и называли Гусем. Ладно, давай к нашим делам. Я достал схему, как и обещал. Тоже недешево обошлось. – Он с неммым укором посмотрел мне в глаза, словно и вправду рассчитывая вызвать сочувствие. – Канализация идет прямо под соседнее здание, и это, как я понял, там даже не особый секрет. Люк стальной, мощный, выход в подсобку и в дежурную комнату, куда выходит сигнализация. Поэтому никто и не портит себе нервы. В соседней комнате как раз вооруженная охрана: будет забавно, если кто-то проломит пол снизу и выберется прямо туда.

– Сколько охранников?

– Вроде бы двое постоянных. Бывает и трое. Но больше в этом месте нет смысла держать. – Сингер вытащил из внутреннего кармана пиджака бумагу и протянул мне. – В здании бывает больше, но в тот день они все как раз на аукционе будут.

Я не стал даже смотреть бумагу, сразу убрал подальше.

– Есть что-то на сейчас? Деньги заканчиваются.

– Было. – Сингер поморщился. – Слышал про швейцарского банкира? Которого хлопнули при грабеже?

– Гм... Цоммер? Из банка «Райхмут»?

– Точно. Кто-то навел на него до меня. А так могла быть несложная работа, он часто держал дома наличные. И те бриллианты, что не прошли отбор, у него часто оставались. Из-за них его и замочили, я думаю. Обидно.

Несмотря на благородное занятие антиквара, Сингер был личностью насквозь криминальной. Говорят, что это именно он несколько лет держал знаменитый кабак «Зеленая лампа» в Сент-Пол, Миннесота, где собирались как на биржу почти все основные грабители банков. Полиция округа была куплена на корню, и гангстеры скрывались там после ограблений без всякой опаски, подбирали помощников, делились планами.

Кроме того, Сингер умел купить «горячие» деньги за восемьдесят процентов от номинала и отмыть любую добычу, пристроить драгоценности и даже искусство, что сложнее всего. И еще Сингер скупал любую информацию, чем и был особенно полезен. То, что я сейчас изображал любовь с Марго Бриггс, – следствие того, что Сингер купил очередную новость.

– Деньги нужны, – повторил я. – Я потратил почти все запасы на эту операцию.

– Да, с деньгами сейчас тяжело, – старательно вздохнул он. – Дай мне подумать до завтра. Есть кое-что, но нужно проверить. Заезжай сюда к перерыву на ланч в магазине.

– Хорошо, я заеду. Кстати, а что в той букмекерской конторе сейчас, из-за которой весь шум?

Антенуччи не просто так на меня взелся, понятное дело, причина у него есть. Хотя на самом деле он не знает точно, я это сделал или нет.

– Ты же не хочешь наведаться туда снова? – поразился Сингер.

– Если они работают, как и раньше, то почему нет? – Я улыбнулся. – На днях будет бой, у них там куча денег должна накопиться, они туда со всего района собирают. К тому же пока никто не знает, что я в городе, я же уехал.

Все верно, выехал я три месяца назад по своему паспорту, а сегодня въехал по поддельному. Так меня отследить не получится. Нет, авантюра, конечно, но они меня и так ищут. И вовсе не для того, чтобы мило побеседовать. Но деньги опять же нужны.

– Я бы не хотел, чтобы ты это делал, – Сингер покачал головой, – по крайней мере до аукциона. После него что угодно, но если ты разозлишь всех этих «гвидо» и они тебя замочат – мой проект развалится. Не лезь туда.

– Постараюсь. Деньги нужны. Если я не смогу изображать из себя светского льва и богатого наследника до того, как получу нужное, наш, – я надавил на слово «наш», – проект не состоится с тем же успехом. Подумай об этом.

Да, набрел на нужное Сингер, купив информацию, но все техническое исполнение идеи на мне, Сингер сам этим не занимается и никогда не занимался. Он работает «преступным умом» и наводчиком, не более того, а главная его защита от воротил криминального мира – исключительно его ценность. Именно поэтому он не может мне реально помочь в проблеме с итальянцами.

– Я могу частично финансировать проект, – вздохнул он наконец. – Но тогда мы пересмотрим доли.

– Доли мы не будем пересматривать, потому что, кроме расходов, я еще беру на себя весь риск, а ты дальше сидишь на руках. – Я чуть прикрутил уровень вежливости. – Но мы сначала покроем свои расходы и лишь потом поделим доход, как договорились. Так что твои затраты вернутся прежде всего.

– Могу прямо сейчас отдать двести гиней, – вздохнул Сингер и полез в другой внутренний карман пиджака.

Похоже, он разговора ждал и был готов к такому развитию событий. На столе появилась стопка пятифунтовых банкнот. Я быстро их пересчитал, хмыкнул:

– Ты сказал гиней^[2], а здесь двести фунтов.

– Я оговорился, – ухмыльнулся он. – Никак не привыкну к деньгам лайми, мозги с ними свихнешь.

– Жлоб, – вздохнул я, убирая деньги в карман.

– Что? – не понял он слова.

– Жлоб, – повторил я. – Слово с родины, там всегда его произносили при заключении сделки.

– Как deal, – кивнул Сингер.

– Примерно. Или даже лучше.

– Чем лучше? – не понял он.

– Конкретней. Ладно, я пошел, – добавил я, оставляя недопитое пиво. – Еще много дел.

– На «гвидо» не нарвись, осторожней. Да, к слову, у них в той конторе стоит теперь «Лилли энд Мэйкер», шестая модель. На прежнем месте. Купили там же, где и старый ящик.

Я лишь благодарно поклонился.

Затем пришлось проехать подальше, почти к самой Гизе, к границе Египта и Зоны Большого Каира, в еврейский квартал, заселенный частично правоверными евреями в черном и частично бывшими ливанскими евреями, перебравшимися сюда тогда, когда Большой Каир

увел у Ливана положение финансовой и торговой столицы этой части света. Сам район был и раньше еврейским, застроенным давно, еще во времена османского правления, так что остальную половину населения составляли бывшие турецкие и сирийские евреи, бежавшие сюда после падения Османской империи, под защиту британских войск и местного малика, то есть короля Ахмеда Фуада, евреев защищавшего.

Несмотря на пыльность и внешнюю запущенность, район считался богатым, но богатство в основном скрывалось за высокими заборами и стенами. Загляни почти что в любой двор, и ты увидишь там автомобиль и все остальные признаки процветания, но автомобили здесь ездят редко. Район не такой большой, всюду дойдешь пешком, а его обитатели вообще не склонны покидать его пределы, так что машины не нужны, их покупают для подтверждения статуса. Ездят тут больше грузовички, возят товар.

Ехал медленно, открыв окно, потому что жара давила всей своей силой, какой она достигает только в середине дня. Даже обычно оживленные улицы квартала выглядели пустовато: люди прятались от зноя кто где мог. Западная часть считалась деловой. Улицы стали чуть шире, дома сменились скоплением магазинов, лавок, мастерских, кошерных ресторанчиков. Я пропустил несущуюся через дорогу стайку учеников еврейской школы, одетых в черное и похожих уже на маленьких старичков. Впрочем, проехавший по улице бело-синий полицейский «шеви» с двумя констеблями внутри напомнил, кто тут главный.

Я остановился возле неприметного подъезда с массивной дверью и бронзовым молотком на ней. Небольшой, но явно старинный особняк, иначе это здание никак не назовешь, одна дверь внутрь, и совсем узкие, как бойницы, окна первого этажа.

Молоток, трижды ударившись о дверь, издал гулкий и резкий звук. Затем в двери открылось окошко, а за окошком показалось бородатое круглое лицо с длинным толстым носом.

– Цви, – улыбнулся я. – Как дела?

– Ой, вы такой заботливый, молодой человек. – Окошко захлопнулось, зато открылась сама дверь. – Заходи.

Внутри было если не прохладно, то вполне терпимо. Люди, живущие в таких краях поколениями, знают, как создавать тень и сквозняки в домах. Тот, кто строил этот особняк, тоже знал. Я оказался в полутемной конторе с большим столом, покрытым зеленым сукном; у дальней стены друг против друга, зажав маленький столик, стояло два диванчика. На одном из них сидел еще бородач, габаритами примерно с Джимми, просто тот был начисто выбрит, а этот зарос до глаз и на макушке имел черную кипу. Рядом с ним у стены стоял помповый дробовик «винчестер» с кустарно укороченным стволом. На меня бородач не обратил никакого внимания, раз Цви впустил, он созерцал шашечную доску, стоящую на столике. Я их от игры оторвал, получается.

Пахло мастикой для мебели, чем-то еще и какой-то едой с луком, но самой еды нигде не видно. Форшмак был небось. И стрескали уже, наверное, только запах остался. Пропустивший меня Цви был невысок, осанист, тучен, страдал одышкой. Говорят, что на иврите «цви» означает «олень», но на оленя носитель имени был похож в последнюю очередь. И еще он был вооружен: через вырез жилета виднелась рукоятка револьвера в наплечной кобуре.

– Взять или положить? – спросил Цви.

– Взять. Держи. – Я выудил из кармана четыре пятифунтовые банкноты и протянул ему. – Это вперед.

– Я люблю, когда вперед. – Он довольно ухмыльнулся.

Вообще Цви переводил деньги. Неофициально, но надежно и на любой счет в швейцарском или ливанском банке, то есть туда, где не принято интересоваться происхождением денег. Он не заполнял бумаг и лишь требовал, чтобы деньги не были «горячими», то есть с грабежа или чего-то подобного. «Помой в другом месте», – говорил он обычно, так что лично я «мыл» у Сингера. Цви деньги считал, проверял, затем в твоём присутствии набирал телефонный номер и говорил что-то на идише. И после этого ты мог быть уверен, что на указанный счет поступит сумма, которую ты отдал, минус пять процентов. Так что никакое расследование не было способно проследить эти деньги, цепочка просто обрывалась во многих местах, а номерные швейцарские счета никак не привязать к конкретному человеку.

Но еще Цви хранил вещи. Любые, какие принесут. В подвале этого дома, в маленьких шкафчиках. Кажется, в подвале, потому что туда никого не пускали, Цви сам относил и приносил хранимое. И за это ему и платили. Он не задавал вопросов, не делился ни с кем информацией, и у него никогда ничего не пропадало. И он точно не сотрудничал с полицией, но при этом она всегда избегала наносить ему визиты, что делало ему честь как дипломату.

Беседы о высоком здесь не поощрялись. Даже когда человек говорит о погоде, он все равно что-то выбалтывает, а у Цви первым лозунгом было «Знать ничего не хочу!» Знать он, может, и хотел на самом деле, но для его бизнеса это плохо. Индифферентность нужно изображать. И еще он не вел никаких записей, он помнил всех и то, что они приносили.

– Подожди, сейчас принесу.

Нес он всегда довольно долго, я каждый раз задумывался над тем, как же он это все хранит. Просто взять из шкафа или в шкаф положить я бы смог в пять раз быстрее, чем он. Охранник, его звали Шмуэль, так на меня внимания и не обращал. Я тут не в первый раз, он меня знает. И Цви пока еще никто грабить не пытался, Цви нужен всем, к тому же никому непонятно, что именно он хранит. Он и сам не знает в большинстве случаев.

Открылась железная дверь подвала, показался Цви с моим докторским саквояжем из коричневой кожи, поставил его на стол.

– Уносишь или что-то возьмешь? – Это он к тому, закрывать дверь в подвал или нет.

– Закрывай, все забираю. Спасибо, я пошел. – И с этими словами направился к выходу.

Цви выпустил меня на жаркую улицу, за спиной гулко задвинулся тяжеленный засов. Я сел в машину, ключом отпер саквояж, заглянул внутрь. Да, все на месте. Не то чтобы я Цви не доверял, но это как наличие патрона в патроннике проверить. Ладно, теперь надо проехать через одно место, оглядеться, затем навестить кое-кого и затем можно домой. Ночевать в отеле сегодня не обязательно.

Следующим пунктом назначения был «Гараж Хупера» в британском секторе. Мне и сам гараж нужен – машину бы обслужить, и еще один человек, этот самый Хупер. Дело у меня к нему, к Хуперу этому самому.

Район здесь не богатый и не бедный, а Четырнадцатая улица, на которой гараж расположился, вся как раз и заполнена небольшими бизнесами. Тут и гараж не один на самом деле, так что большого процветания добиться было бы сложно. Если бы Иан Хупер не занимался чем-то еще.

Работа у них была. В самом гараже стояла пара машин – старенький «Остин» и довольно новый «Бьюик», да и перед входом ждали очереди еще две. У машин крутились

двое механиков. Сам Иан – рыжий и конопатый, невысокий, тощий, подвижный, одетый в синий комбинезон, – увидев меня, направился навстречу, вытирая тряпкой замасленные руки.

– Заехал просто навестить или что-то с машиной? – спросил он меня еще на ходу.

– Машину можно посмотреть, но вообще у меня работа есть. – Я пожал протянутую руку.

– На когда? – Он тут же заговорил тише и деловитей.

– Прямо сегодня.

– Что делать?

– Довезти, дождаться, увезти.

– Куда?

– Уотерфронт-роуд. Мы там уже были.

Он фыркнул и покачал головой. Затем сказал с явным удивлением:

– Второй раз в то же сраное^[3] место?

– Я там был сегодня. Все реально. Новый ящик я знаю, проблем совсем не будет.

– И сколько можно взять?

– Трудно сказать, но они уже на бой Тиля с Брауном принимать начали. Должно неплохо получиться.

– А потом нас найдут и отрежут нам яйца, – задумчиво сказал Иан. – И не просто отрежут, а тебе скормят мои, а мне – твои. Что меня совершенно не радует.

Это он еще не знает, что сицилийцы меня и так ищут. А вот его не беспокоили, так что я уверен, что ищут наугад, просто по роду занятий, никаких реальных доказательств у них нет. Хотя они им и не всегда нужны.

– Можешь отказаться.

– Нет, а вот отказываться я не стану, – заявил он решительно. – Деньги всегда нужны. Грузовичок взять?

– Именно так. Он нам как раз и понадобится.

В Иане я уверен, он точно не откажется. И главное – когда у него появляются деньги, он не пляшет в борделях с шампанским. Внешне ничего не изменяется, так что вероятность того, что тебя так вычислят, минимальна. Сам я тоже даже после удачных дел с ума не схожу – живу как жил, мне пока всего хватает.

– Во сколько ждать?

– Около полуночи подъеду.

Работяги не одеваются как джентльмены, а джентльмены как работяги. Никто не ожидает увидеть меня в рабочем комбинезоне, рубашке в клетку и просто кепке, особенно за рулем трехконного купе, поэтому хорошо, что из дому я выехал уже с темнотой. К гаражу подъехал чуть раньше полуночи, но Иан был уже на месте, возился с чем-то под капотом двухлетнего грузовичка «Шевроле Конфедерат». Причем номера на грузовичке были уже фальшивые.

– Готов? – спросил я, выбираясь из «Форда» и вытаскивая сумку с инструментом из-за спинки сиденья.

– Готов. Грузись. – Иан даже гостеприимно распахнул правую дверь кабины передо мной.

– Лестницу не забыл?

– В кузове.

– Огневая поддержка?

– За сиденьями.

Я заглянул за спинки и увидел два одинаковых дробовика «Винчестер 12» со стволами, обрезанными чуть за магазином.

– Нормально, – кивнул я. – Надеюсь, что до этого не дойдет.

Боковые стекла опущены, и даже переднее приподнято, ночная прохлада сменила дневной зной, душа и тело отдыхают. Грузовик фыркнул двигателем и покатил по дороге, чуть погромыхивая всяким в кузове и поскрипывая креплением тента.

Улицы до сих пор не пусты, тут многие начинают жить «по-испански», то есть устраивают сиесты днем, зато долго не ложатся спать, выходя из домов на улицу, после того как солнце сядет где-то за Нилом. У испанцев это не от лени, а от жары, да и не только у них. На Сицилии, не к ночи будь помянута, без сиесты никуда. Днем крестьянин просто не мог работать в поле – помер бы, вот и шел домой поспать, перекусить и произвести еще ребенка, а к вечеру, когда самый зной спадал, возвращался к работе. И отдыхал дальше ночью. А так и в английском секторе сейчас пабы многие открыты, а в самой Британии самый последний закрылся уже давно. Говорят, что много бриттов сюда рвануло еще и поэтому.

Британский сектор закончился, мы краем пересекли Маленькую Ирландию, еще более шумную и пьяную, и въехали в Маленькую Италию. Тут тоже пока особо не спали. Из открытых дверей трагтории слышалась патефонная музыка, перед кофейней за столиками на тротуаре до сих пор сидели пожилые итальянцы с бокалами вина.

Район Маленьких Всех находился у самого Нила, за его излучиной у Нижнего острова. Там были и Маленькая Италия, и Маленькая Ирландия, и Маленькие Балканы, и Чайна-таун, то есть там собрались все, кто не хотел растворяться в секторах и сеттльментах, а старался селиться кучей, жить среди своих.

Когда-то Каир на этом месте уже заканчивался, а вот Большой Каир теперь только начинался. Огромный, гигантский город, размерами своими обогнавший любой другой на планете, он за пару десятилетий расползся сначала вдоль реки на север от Каира старого, а потом рывком прыгнул сначала в глубь полей на востоке, а потом, переправившись через Нил, раскинулся так же широко и по западному берегу, до самой Гизы.

Маленькие Все располагались поближе к порту и докам, по Нилу шел огромный поток грузов в Александрию и обратно, и даже рыбная биржа была огромна: каждый день в ней разгружались суда с морской и лодки с речной рыбой. Такой город запросто не прокормишь. И вот итальянцы быстро захватили почти все работы в доках, на пристанях и заодно рыбные биржу и рынок. Чисто инстинктивно, я думаю, как в Нью-Йорке, попутно вступая в конфликты с буйными ирландцами, жившими по соседству. Итальянская, как и ирландская организованная преступность, быстро проросла корнями в эту благодатную почву. В полиции они кого надо держали на окладе, а самой полиции важно было лишь то, чтобы во вверенном районе не безобразничали на улицах. А там и не хулиганили, за этим следили.

Уотерфронт-роуд, куда нам нужно было, тянулась параллельно Восемнадцатой Восточной авеню, по которой мы сейчас ехали. На грузовик, равно как и на нас в нем, никто не обращал внимания. И темно, и машина неинтересна такая никому, а на опущенных брезентовых боках тента над кузовом видны эмблемы коммунальной службы, а их грузовики в любое время кататься могут.

– Второй поворот направо.

– Ты псих, – вместо подтверждения вздохнул Иан.

– Ничего подобного.

– Они после того твоего скачка сейчас у сраного сейфа в засаде сидят.

– Ничего подобного, – повторился я. – Это сицилийские мобстеры, они знают, что их все боятся, а тот, кто это сделал, уже дрожит и прячется. И обычно так это и бывает. Поэтому они просто купили новый ящик, поставили его туда и заодно поставили железные двери, не больше. Лучшая защита – это нападение. Они хотят найти того парня, разрезать его на куски, а куски разбросать по городу, и тогда уже никто не будет подламывать их ящики.

– Тогда это мы психи, – вздохнул Иан. – Причем конченные.

– Все будет нормально.

Надеюсь, я прозвучал уверенно. Вообще-то я сам понимаю, что делаю не то чтобы полную глупость, но и не «умность». Но я вообще специализируюсь по кражам у плохих ребят. Обворовать рэкет – для меня это как подарок. Даже с поправкой на риск. И вообще я рисковать люблю, это добавляет пряности в пресную нашу жизнь. Плохо, если это добавляет перчику в жизнь тех, кто об этом не просит. Но одному мне сегодня не справиться. Хотя бы потому, что у меня своего грузовичка нет. Надо бы купить, наверное.

– В ту аллею.

Имеется в виду «задняя аллея», то есть проезд за рядами магазинов, откуда обычно мусор вывозят. Тут сразу стало темно, звук двигателя отразился от забора и дал по ушам. Получилось так громко, что, кажется, нас и за Нилом сейчас слышно.

– Вон тот домик... – Я показал пальцем вперед. – Стой, прямо к стене прижмись. Выпусти меня, – добавил я, когда Иан притер машину так близко к стенке, что мне со своей стороны дверь было не открыть.

Я выудил из кармана черную шелковую маску, надел. Не надо нам никаких случайных узнаваний. И резиновые перчатки натянул – отпечатки оставлять тоже не будем. Если бы я, кстати, маску не надел в прошлый раз, то очень вероятно, что меня искали бы куда целенаправленней, потому что на обратном пути я столкнулся с двумя зашедшими помочиться как раз в эту аллею пожилыми синьорами. Могли и запомнить лицо.

Иан выбрался из кабины, выпуская меня с водительской стороны. Так, для начала без лестницы... Я встал на бампер, крыло, капот, оттуда перебрался на крышу машины. Нет, так

дотягиваюсь, но у крыши наклон сильный и отлив хрупкий, могу свалиться.

– Подай лестницу.

Иан кивнул, вытащил рабочую стремянку из кузова, протянул мне на крышу. Крыша кузова тут фанерная, прочная, на серьезных ребрах, и достаточно высокая. Стремянка встала чуть с наклоном – соскользнуть могла бы, но край крыши ее зафиксирует, так что не страшно.

– Два часа мне нужно, – сказал я Иану. – Встань на Восемнадцатой, сотня ярдов от этого угла, лицом на север. Я помигаю фонариком.

– Помню.

– Если мигаю сериями по три – уезжай, сам выберусь, значит, что-то не так. Если по два – подъезжай, если одиночными – жди на месте.

– Помню.

– Ну и отлично, тогда начали. За часами следи. – И я перебрался на черепичную крышу одноэтажного флигеля.

Путь, по которому в контору букмекера «Кабана» Пачетти я собирался проникнуть, был намечен мною еще во время прошлого визита. Тогда я подломил сейф, прикинул, что они сделают для того, чтобы закрыть уязвимые места, и заранее нашел способ войти сюда снова. Крыша флигеля, с нее опять по стремянке на крышу дома. Крыша черепичная, что с ней делать – и так понятно.

Тихо и пусто вокруг, эта стена на задние дворы выходит, так что я неспешно, резиновым молотком и зубилом отодрал несколько плиток черепицы, причем вышло это без всякого заметного шума. Стук, стук, край отошел, под него фомку, потянуть – вся плитка и отходит. Дальше тоже несложно, так что проход на чердак здания я проделал себе за несколько минут без особых усилий.

Выловил из кармана рабочего комбинезона фонарик, посветил – пусто, никого. Проскользнул в дыру, следом затащил черепичные плитки, сложив в аккуратную стопку. Мне не надо, чтобы они вдруг разом поехали по крыше, упали во двор и с треском разбились. Пусть все будет тихо. Люк в дальнем углу должен быть, туда аккуратненько по балкам, чтобы не треснуло ничего, не хрустнуло. Вот он... да, я все правильно помню. Вот сложенная лестница на роликах, ее надо будет придерживать, чтобы она просто не вывалилась.

Аккуратно опускаю... тихо-тихо, понемногу. К сожалению, тут надо на удачу, из-за такой конструкции лестницы, привинченной к люку, не получится сначала заглянуть и лишь потом ее разложить, тут все само по себе делается. Лестница разложилась, коснувшись пола. Спускаюсь. Быстро спускаюсь, потому что шум уже случился, так что изображать из себя малоподвижную мишень на лестнице не нужно. Почти скатился вниз, отскочил в сторону, за шкаф, вытащил из-под нагрудника комбинезона «сэведж», сбросил большим пальцем тихо щелкнувший предохранитель. Патрон в стволе, ударник взведен.

Тихо. Никто не шевелится. Запаха табачного дыма нет. Я не курю, а так курят все. Почти все. Но все же осторожней надо.

Одна большая комната, в ней шесть столов, все завалены бумагами. Самый дальний от меня стол справа – бухгалтерский, за ним сейф. Деньги из сейфа вынимают по пятницам, каждую неделю. На стене несколько досок, похожих на школьные, на них пишут, на что и какие принимаются ставки. И отсюда же разносят билеты «чисел» – нелегальной лотереи, розыгрыш по субботам.

Да, в комнате никого. Теперь только уборную и кладовку проверить. И шторы задернуть.

Ну да, так и есть, «Лилли энд Мэйкер», шестая модель. В ней не так просто проделать проход к механизму, туда как раз вставили вольфрамовую плитку – задолбаешься сверлить. Но мы именно там сверлить и не будем. И плитка не поможет, потому что сам механизм остался прежним и воздействовать на него можно разными способами. Но сверлить все же придется, просто в другой точке.

Достал из сумки рулетку, отмерил от верхнего края дверцы ровно тридцать дюймов. И от ее бока одиннадцать. Вот точка, намечаю мелком. Тут и будем сверлить. Где розетка? Ага, вон рядом настольная лампа воткнута... ее долой, туда вилку от электродрели – спасибо Блэку и Декеру за такое удачное изобретение. Или кто там ее на самом деле изобрел? – главное, что они ее делают. Фонарик только направить точно на нужное место... запасные сверла есть... начали.

Сталь у этих сейфов добротная, даже такие сверла, как у меня, грызут ее медленно, мучительно. Если бы вручную сверлил, то убил бы вообще несколько часов. Громко получается, правда, но тут уж ничего не поделаешь, дрель не укроешь, а то перегреется сама. В воздухе пахнет нагретым металлом и вроде как трансформаторным маслом, хотя откуда ему тут взяться?

Глубже, глубже. Мне еще и отверстие нужно пошире, так что диаметр сверла максимальный. Но сначала тонким, потом диаметр побольше возьму. И охлаждать сверло постоянно, чтобы заточка не слизалась. Впрочем, сверл у меня много, запас, я всякие случаи учитываю.

Есть, прошло первое, ставим теперь потолще...

За час с небольшим я рассверлил нужную мне дыру в стальной плите верхнего слоя. Посветил внутрь фонариком, убедился, что попал куда надо. Теперь самая ответственная часть. Вот арифмометр на столе подходящий, тяжелый, его и использую. Из припасенной веревки сделал петлю, продел под ручку прибора и повесил его на рукоятку сейфа, закрепив веревку скотчем, чтобы не соскользнула. Теперь вроде как на рукоятку давят постоянно, что мне и требуется.

После этого извлек из сумки тонкую палочку чего-то напоминающего зеленоватую глину, запиханную в трубку из толстого целлофана. Если принюхаться к «глине», то можно уловить слабый запах миндаля. «Нобель 808», пластичная взрывчатка из британских военных запасов. Краденая, конечно, но много ущерба я арсеналу воинства его величества не нанес, мне ее совсем чуть-чуть надо. Я мог бы и обычным порохом обойтись, просто его нужно больше, сложнее расположить его правильно и так далее. Тротил тоже подойдет, но его сперва надо или порезать на палочки, или отлить их в форме.

Капсюль-детонатор... вдавливаем в торец палочки, разматываем проводки. Все, воткнул. И теперь целлофановую трубку в отверстие, до конца... и снизу провололочкой подпереть, чтобы горизонтально стояла. Есть, получилось. Теперь шторы с окна, что выходит во двор. Окно зарешечено, и в него сигнализацию вмонтировали, как раз после прошлого раза, поэтому я в него и не полез. С этой решеткой много возни было бы.

Со шторами быстро справился: просто срезал их с колец отточенным как бритва складным ножом, вот они и свалились. Теперь их складываем во много слоев и кладем на крышку сейфа так, чтобы они свисали на дверь. Это для того, чтобы шума было меньше, с этой стороны только слой металла, громковато получится. Шторы прихватил липкой лентой, чтобы не упали. Затем, разматывая провода детонатора, отошел в дальний угол комнаты, присел за стол. Излишняя предосторожность – там очень маленький заряд, но если

работаете со взрывчаткой, правила все равно лучше соблюдать.

Теперь машинку с ручкой и винтами-контактами. Провода под них и прижать, чтобы случайно не сорвались. И упруго сопротивляющуюся рукоятку магнето теперь покрутить, пока лампочка на загорится. Да, вот теперь все нормально, подрыв.

Широкую эбонитовую кнопку большим пальцем до упора – и тут же глухой хлопок. Шторы дернулись, затем из-под них поплыл легкий дымок. Послышался металлический щелчок, рукоятка повернулась. Есть!

Подбежал к сейфу, потянул дверцу – открылась без проблем. На внутренней стороне никаких повреждений, содержимому сейфа ничто не угрожало. Я же не взрывал его, я просто взрывом подбросил вверх тягу, вот она и соскочила, дав рукоятке провернуться. Все гениальное просто.

И что тут у нас? Луч фонаря осветил полки. Так, вот тут пачки фунтов, трудно пока сказать сколько, но немало – рейд уже окупился наверняка. В сумку их, одну за другой... мешочек с крупными монетами, а совсем мелочь не берем – нечего тяжесть таскать. Что это за свертки?

Ножом разрезал бумагу, а там... да героин это. Килограмма три его тут, не меньше. Черт, я не люблю героин, но сжечь его прямо здесь не получится, так что тоже в сумку. Что-то еще? Опять деньги, уже доллары, новые. Шесть пачек по сто, двадцатками. Это сколько получается? Двенадцать тысяч... большие деньги... но вот не нравится, что они такие все новые, прямо как из типографии. Как бы они и вправду... нет, номера купюр не совпадают, но все равно подозрительно. Потом разберусь, Иан свою долю с них подождет. В сумку. Что-то еще?

Книги. Бухгалтерия. Оставить? Зачем они мне? Пусть лежат. Вот теперь точно все, можно сваливать. Сумку на плечо и...

Звук мотора, даже двух моторов за фасадным окном, скрипнули тормоза, захлопали автомобильные дверцы. Голоса, сицилийский диалект ни с чем не перепутаешь, нет в нем той мелодичности, какая отличает нормальный итальянский, грубый это диалект, крестьянский какой-то. Я рванул к лестнице, стараясь не топтать. Быстрее вверх, на чердак, главное – лестницу успеть втянуть... они сначала запах горелой взрывчатки почуют, потом к сейфу кинутся. У меня есть совсем чуть-чуть времени, чтобы успеть свалить с чердака до того, как они догадаются обежать этот дом со стороны задней аллеи.

Входная дверь щелкнула в тот же момент, как я затянул лестницу внутрь чердака и закрыл люк. Теперь к дыре, опять по балке, медленно, только бы не нашуметь. Потолок тонкий, я слышу голоса снизу, хоть и приглушенно. Есть, заметили сейф, уже разорались, понеслось.

Вот дыра, плитки черепицы ступенькой – тоже ведь специально так уложил, вот как раз на такой случай. На ступеньку эту, с нее на крышу. Аккуратненько, дальше не ногами, а съезжая на заднице, чтобы никаких звуков, до стремянки. Вот она, рога торчат, еле разглядел в такой темноте. С другой стороны здания тоже шум, сицилийцы горланят, они не все внутрь зашли, похоже.

Лестница, не скрипи... вниз, на следующую крышу. Стремянку в руки, теперь мне на забор по ней спуститься, а дальше можно и спрыгивать. Перебрался на дальний край крыши флигеля, опустил лестницу... тут не слишком устойчиво, конечно, но вниз – это не вверх. Нет, тихо слезть не получится, придется так, на руках на забор и с него уже на землю. И перчатки долой – руки в них потом исходят, те скользят на пальцах, можно и сорваться. На

черепице отпечатки не оставлю – не тот материал, так что с рук их долой, в карман.

Теперь тихо свеситься на руках. Совсем рядом открылось окно, которое за решеткой, голоса сразу стали громче, но меня угол закрывает. Но они точно сейчас побегут сюда в обход, не могут не побежать, так что быстрее, быстрее... Повис, поймал ногами чуть закругленный верх оштукатуренной кирпичной стены, встал, придерживаясь рукой за стену. Опустился, сел, свесив ноги вниз – и все, дальше прыгать. Нет, невысоко, но могут услышать.

Ладно, других способов отсюда смыться все равно нет, так что вперед, штанов не мочить.

Вроде и тихо приземлился, но все равно в сумке звякнул инструмент, да и звук приземления был. И это все точно услышали. В здании заорали снова, кто-то повторял: «Vitti vitti!», тут же послышался топот, быстро приближавшийся. Я рванул вдаль по аллее, попутно выхватив «сэведж» из-под комбинезона и сбросив предохранитель. Вот сейчас у меня никудышная позиция, даже свернуть некуда, все вокруг закрыто. Теперь просто отбежать как можно дальше, надеясь на то, что гангстеры – стрелки паршивые, я куда лучше... да вот не надо бы в перестрелки влезать.

– Chiddu! Gigghiu!

Не знаю, что это значило, но первый выстрел хлопнул сразу. Пуля ударила в землю метрах в десяти передо мной. Я развернулся рывком, вскидывая «сэведж», упал на колени, уронил руку с оружием на согнутую левую, прицелился, как смог, в два темных силуэта, а затем опорожнил в них весь магазин, все девять и десятый из ствола, затвор на задержку встал.

– А-а, chuinnutu! – явно от боли заорал кто-то.

Один силуэт согнулся, второй отскочил за угол и тут же выстрелил в мою сторону, но опять не попал. А я подскочил и рванул дальше что было сил, попутно стараясь вилить из стороны в сторону. Даже перезарядить пистолет не могу на такой скорости, ноги аж из задницы выламываются, несусь что есть сил. Вон уже поворот, рядом совсем, мне туда надо, потому что слышу, как где-то сзади завелась машина. Если они рванут на ней за мной по аллее, то просто задавят, я тут как в туннеле бегу, даже запрыгнуть некуда.

Еще чуток, еще... бегом, бегом... А выстрелы все еще слышны, причем двое стреляют. Что-то рвануло левый рукав рубашки, обожгло руку выше локтя, но сейчас даже не до этого... есть, вот поворот. Рывком за угол, уходя с линии огня. Куда теперь? Вон грузовичок стоит, но если они погонятся за мной на машине, а я побегу к грузовичку... нет, не годится. Не хочу их на Иана выводить, пусть даже в машине номера фальшивые. И дробовики не помогут: не устраивать же здесь перестрелку на улицах. К тому же это их район, их много, так и подкрепление еще подтянется.

Тут грузовичок вдруг тронулся с места и решительно направился в мою сторону, несмотря на то, что никаких сигналов я не подавал и вообще не имел возможности достать фонарик. И звук автомобильного двигателя из аллеи тоже приближался.

Что успел – сменил магазин в «сэведже». Он тут, к сожалению, не как в «кольте» сбрасывается, а защелкой на рукоятке, не всегда сам выпадает. При этом все же продолжал бежать по тротуару в сторону разогнавшегося уже «Шеви». Едва успел дослать патрон, как из аллеи выкатил большой белый «Студебеккер», встал резко, в окнах силуэты людей в шляпах, и по этим силуэтам я, присев за чугунный фонарный столб, открыл огонь, попутно проклиная себя за то, что не взял пистолет серьезней.

«Студебеккер» дернулся вперед, потом резко встал, качнулся, из него несколько раз

выстрелили в мою сторону, одна пуля ударила прямо в столб, который издал на удивление мелодичный звон. Тут справа от меня пушкой бухнул дробовик, борт белой машины осыпало крупной дробью. Опять кто-то вскрикнул, «Студебеккер» рыкнул двигателем и вдруг дернулся назад, прячась в аллее.

– Держи!

Иан, выскочив из-за руля, кинул мне второе ружье. Слава богу, он вспомнил про маску и был сейчас в ней.

– Давай за руль! – крикнул я ему. – И за мной!

И затем я рванул к повороту, за которым укрылся противник. Нам нельзя погоню устраивать, «Студебеккер» наш грузовичок как самолет телегу догонит, тут надо все на месте заканчивать.

У самого угла упал на колени, снижая силуэт, выглянул рывком, увидел троих в белых костюмах и белых шляпах у белой машины, пальнул ближнему в ноги, тот заорал и свалился. Двое других бросились за машину, что-то крича, а я, даже не отпуская спуск, просто рванул цевье взад-вперед, и ружье выстрелило само, на этот раз в переднее колесо «Студебеккера», тут же лопнувшее с хлопком и клубом пыли. Затем еще выстрел, снова в ноги упавшему. Не убивать, а я вообще не убийца, пусть лучше с раненым возятся.

Грузовик остановился прямо за спиной, я дважды пальнул в стекла белой машины и, обежав капот «шеви», запрыгнул на пассажирское сиденье.

– Гони!

Грузовик – это не гоночная машина, разгонялись мы медленно. Я нашарил за сиденьями коробку с патронами, начал по одному заталкивать их в магазин ружья. Заполнил под край, досылать не стал, в стволе патрон уже есть.

– Уходи «лесенкой», не давай перехватить!

– Да знаю я! – огрызнулся Иан и вдруг крикнул: – Вон они!

И действительно, впереди слева из боковой улицы вывернул большой черный автомобиль, чуть не встал на два колеса в повороте, а затем рванул нам навстречу, быстро набирая скорость.

– Стреляй! – закричал Иан.

– Тихо! Просто езжай!

Если у них нет «двухстороннего радио», то они просто не знают, что произошло. Им сначала надо доехать до расстрелянного «Студебеккера» и лишь потом гнаться за нами, если мы будем еще в поле зрения.

Машина все ближе, включенные фары режут глаза как прожектора. Затем большой седан, оказавшийся «Рoadмастером», пронесся мимо нас. Тут, наконец, случился поворот направо, и Иан свернул туда, да на такой скорости, что я испугался за покрышки. Или того, что мы просто ляжем набок. Мотор чихнул, но сразу выправился, «шеви» проскочил до следующего перекрестка, ушел налево, на следующем направо... понятно, поэтому и «лесенкой», так трудней всего перехватить.

Первым делом в гараже мы сменили тент с эмблемой и номера. Это для таких вот выездов как сегодня. Был тент черный, стал хаки, брезентовый, с рекламой гаража. Таких грузовичков много, их хорошо берут. Другие компании делают пикапы на рамах легковых, и только «Шевроле» выпустил вот такой. Он и грузит больше и по весу, и по объему, поэтому их из новых чуть не половина в городе – устанешь искать. И цвета всего два, так что...

Потом удалились в конторку Иана, который, не говоря ни слова, налил два скотча нам обоим. Так меня от виски чуть ли не мутит, но вот в такие моменты нужно. Посмотрел руку – ничего, просто красная полоса, пуля впритирку прошла, выходит.

– Что мы взяли? – спросил Иан.

– Считать сейчас будем. – Я поставил сумку на стол и открыл клапан. – Начнем с фунтов.

– А там еще что-то?

– Есть и еще, но об этом потом.

Фунтов оказалось больше тысячи семисот, по восемьсот пятьдесят на каждого. Немало. Я ожидал меньше. Но я вообще много чего не ожидал от этой вылазки – тут сплошь сюрпризы. Иан забрал свою половину, завернул в газету зачем-то.

– Вот дальше интересное, – сказал я, доставая пачки долларов. – Здесь, считай, еще двадцать четыре сотни, если пересчитать. Но делить пока их не будем, не нравятся они мне.

– Чем?

– Новые и номера подряд.

– Не фальшивые же?

– Могут быть переписанными, например. Или с какого-то большого скачка. Сгорим ненароком.

– Что хочешь сделать?

– Продадим. Восемьдесят центов за доллар. Но зато получим фунты и ношенными купюрами.

Иан задумался, потом кивнул:

– Согласен. Сколько это получится?

– Если купят, то чуть больше девятнадцати сотен на каждого, – прикинул я уме.

– И эти. – Иан показал на газетный сверток. – Неплохо получится. Лишь бы только не нашли.

– Не болтай, не сори деньгами – и не найдут, – пожал я плечами. – Будь готов на всякий случай. Держи ствол под рукой. И от меня пока подальше держись, – усмехнулся я, – на меня первого выйдут, если вообще на кого-то выйдут.

На этом и разъехались. Про героин я ничего не сказал, а Иан в сумку не заглядывал. Залез в машину, завелся и поехал домой. Дело к утру уже, даже утро, надо бы и поспать.

Найдут меня? Ну вот как судить: я вроде бы и криминальный элемент, но я сам по себе. Какие дела делаю, с чего зарабатываю – никто не знает, с преступным миром Большого Каира я стараюсь как можно меньше пересекаться. Нет, не брезгую, а просто из чувства самосохранения. Про то, что со мной работает Иан, не знает никто, наверное. Он не бандит, я его сам сбил с пути истинного. Механик, человек решительный, повоювать еще в Великую войну успел. Так что никому он просто незнаком.

Больше всего обо мне знает Сингер. Не знаю только, сколько людей знает о том, что я с ним дела какие-то имею, но не думаю, что много: он сам тоже очень осторожный. Но... контактов у него хватает, он так живет. Люди Антенуччи приходили к нему не потому, что он мой наводчик и иногда работодатель, а потому, что он торгует знаниями, информацией. Если бы они нашу связь вычислили, то прессанули бы они Сингера без жалости. И он бы им все выложил. Но меня здесь не было больше трех месяцев, и я мог об этом не знать. Так что держимся пока настороже.

Полиции опасаться не стоит. Во-первых нас трудно опознать, а во-вторых, в Маленькой

Италии с полицией не общаются, там все сразу слепоглухими оказываются. Газеты что-то напишут, конечно, им та же полиция информацию продаст, но они даже расследовать не станут стрельбу, в которой участвовали люди Антенуччи. Так что да, с этой стороны неприятностей ждать не стоит, но только с этой одной.

Центр Большого Каира уже уснул наконец, только на «Гранд-Казино» еще бегали огоньки и двери были открыты. Но стоянка перед ним была пуста, а в очереди такси стояло всего две машины. На улицах уже появились мусорные грузовики, то есть кто-то уснул, а кто-то только начнет просыпаться. Трамваи вот-вот поедут, а автобус уже попался навстречу.

Ближе к французскому сектору запахло булочками – французы здесь монополизировали пекарское дело по всему городу, развозят грузовиками. Кстати... вон булочная, в которую я заезжаю обычно.

Свернул к тротуару, остановился. Сама булочная пока закрыта, но через окошко в стене хлеб уже продают, а так активно пекут на развоз. Поздоровался с женой пекаря – маленькой и круглой, как булочка, она продала мне четыре круассана в картонке, два рогалика и две спиральки. С кофе на завтрак употреблю с большим удовольствием.

Вот и арка, въезд во двор. Вскоре «Форд» встал на свое место в гараже, а я поднялся в квартиру. Спать пора, но для начала надо решить, что делать с героином. Проще всего в канализацию спустить, труд невелик. Но в последний момент остановился. Нет, пожалуй, я его припрячу. Хорошо припрячу, у Цви, например. Зачем? Пока не знаю. Но героин – это серьезный криминал, и за ним, если правильно навести, полиция может и в дом вломиться. Кто знает, как это все можно использовать? У меня впереди много всего ожидается.

В общем, упаковал свертки в сумку и наконец завалился спать. Очень веселая и содержательная у меня была ночь, после которой нервный откат начался. Все, спокойной ночи, хоть это и утро.

Долго не спал, потому что дела, а к вечеру мне неплохо бы снова стать Роберто Ван Дер Меером и оказаться в отеле. Поэтому, позавтракав и побрившись, я сразу поехал к Сингеру, прихватив с собой сверток с долларами.

Парковаться у бара на этот раз не стал, оставил машину на параллельной улице и пришел сюда пешком, стараясь попутно обнаружить признаки засады. Но не обнаружил. В самом баре опять было пусто – сидели только под зонтиками на улице, а Джимми был на прежнем месте, все так же с сигаретой в зубах, только вместо результатов скачек он листал журнал фривольного содержания, причем французский.

– Джимми, ты выучил французский? – удивился я.

– Тут картинки. – Он повернул журнал разворотом в мою сторону. – Французские и американские сиськи выглядят одинаково.

– Не был бы таким категоричным, – усомнился я. – Босс здесь?

– Позову, – кивнул Джимми, поднимаясь с табурета и откладывая журнал на стойку. – Вот, почитай пока, ты французский знаешь. Или картинки посмотри.

Картинки я смотреть не стал, а сам достал себе бутылку кока-колы из холодильника и с ней пересел за столик. Джимми вернулся, посмотрел на меня, хмыкнул, но про деньги почему-то не напомнил. Лишь сказал, что Сингер занят с клиентом и подойдет сразу, как освободится.

Ждать пришлось с полчаса. Сидел лицом ко входу, на случай если кто-то нехороший придет меня сюда поискать, но за это время зашел только один человек, попросивший пинту лагера и усевшийся у самого входа с газетой. И уже потом появился Сингер.

– Пошли ко мне, там поговорим.

Мы через подсобку прошли в магазин, заперев за собой железную дверь. Магазин был закрыт на ланч, табличка на двери, так что помешать никто не должен.

Вообще интересное место его магазин, сюда как на выставку ходить можно. Правда, сам Сингер честно говорит, что реальных древностей у него хорошо если треть, все остальное сплошь фальшивки. А его кабинет, довольно просторная комната за торговым залом, так и вовсе настоящий склад. У дальней стены стол, на нем на кронштейне огромная лупа с лампой. Кресло у Сингера размером с храмовое крыльцо, наверное, настоящий трон из зеленоватой, чуть вытертой кожи. В него он и уселся.

– Садись. – Он показал на диван с высокой спинкой, стоящий напротив. – Уже половина города говорит о стрельбе в Маленькой Италии. В вечерние газеты попадет точно. Хотя бы удачно?

– Хочу продать. – Я выложил сверток с долларами на стол.

Сингер развернул его, вытащил пачку долларов, просмотрел.

– Не фальшивые, – сказал он. – Но прямо из казначейства. Могут быть проблемными. Семьдесят за доллар.

– Восемьдесят.

– Это очень горячие, – вздохнул Сингер. – Ты же сам знаешь, у кого ты их взял.

– Ты только с горячими и работаешь. И Антенуччи точно не сможет их отследить до Южной Америки, или куда ты их пошлешь.

– Мне придется ждать, – пояснил Сингер. – Я боюсь даже использовать свои каналы

сейчас, вдруг кто-нибудь сдаст меня сицилийцам. То есть я заплачу тебе своими, а вернутся они ко мне очень не скоро. Соглашайся, семьдесят – хорошая цена.

– Ну, хорошо, – кивнул я. – Согласен. Что вообще слышал?

– Пока мало. К вечеру буду знать больше, сам не хочу никого расспрашивать специально.

С улицы послышался шум, перед магазином остановилась какая-то машина. Хлопнули дверцы, Сингер чуть насторожился. Затем, примерно секунд через тридцать, под его рабочим столом негромко прожужжал зуммер.

– Кто-то пришел, – чуть задумчиво ответил Сингер.

– Я понял.

Джимми предупреждает звонком о тех гостях, в которых он не совсем уверен.

Сингер вышел из-за стола, прошел в дальний угол своей комнаты, сдвинул гравюру в рамке, за которой оказалось одностороннее зеркало, то самое, что висит за стойкой, за спиной у Джимми. Затем Сингер хмыкнул негромко, покачал головой, вернулся к столу. Отодвинув ящик, вытащил из него маленький револьвер и воткнул его сзади за пояс.

– Кто-то из сицилийцев? – спросил я.

– Да. Ты лучше тут пока посиди. Но не думаю, что там проблемы, их всего двое.

Все верно, если бы они приехали трести Сингера, их было бы больше. Машина подъехала только одна, двери хлопнули дважды. То есть их там реально двое. Сингер пошел к двери, а я между делом проверил, как пистолет выходит из кобуры. Нормально выходит, легко. Когда Сингер вышел, я сам, стараясь не шуметь, подошел к гравюре на стене и отодвинул ее в сторону.

Да, с Сингером двое, сидят за столиком. Одеты классически, один в белом костюме, второй в светло-сером, соломенные панамы, сделанные на манер федоёр^[4]. Их тут, кстати, в Новом Каире неплохо делают, снабжая тех, кто привык к федо́рам в других местах, но тут не надевает из-за жары. Оба невысокие, коренастые, смуглолицые. У того, что сидит ближе к проходу, большая родинка на подбородке.

Ведут себя вроде бы прилично: тот, что с родинкой, говорит, второй кивает, Сингер вроде как с интересом слушает. Вот спросил что-то, говорящий ответил. Нет, на угрозы и прочее непохоже, спокойный разговор. Все, прощаются. Тогда гравюрку на место и обратно на диванчик.

Сначала уехала машина, я еще похвалил себя за то, что не стал парковаться у бара. Не уверен, что они вообще знают мою машину, но не стоит никого недооценивать. Затем вернулся Сингер.

– Смотрел? – показал он на скрытое зеркало.

– Конечно, – не стал отпираться я. – Познавательное.

– Про тебя все же спросили, я сказал, что ты уехал в Европу давно, с тех пор мы не встречались. Но за головы грабителей предложили пятьсот фунтов. У них один легко раненный и второй при смерти. Или умрет, или останется без ноги. Сколько у них ушло денег, так и не сказали.

Да, это тот, в кого я из дробовика стрелял. Теперь это для них еще и личное. Впрочем, для них все личное, так что ничего нового.

– Хорошо. Когда деньги?

– Завтра будут готовы. Но тебе бы пока сюда не надо приезжать. Если они что-то подозревают, то могут начать следить.

– Они могут уже сейчас следить.

– Могут. – Сингер вздохнул. – Зря ты сюда пришел сегодня, кстати. Надо было просто позвонить.

– Согласен. Выпусти меня тогда через заднюю дверь.

Черный ход бара вел в небольшой дворик и оттуда уже на заднюю аллею. Там я никаких наблюдателей не заметил и быстрым шагом направился на выход. Солнце уже вошло в полную свою полуденную силу и пекло немилосердно, я был рад тому, что надел сегодня панаму – от нее хоть тень на шею и на лицо. На выходе из аллеи снова проверился, опять угрозы не обнаружил, перебежал дорогу и пошел к машине в обход квартала, на всякий случай.

Да, не подумал я о том, что за Сингером уже могли начать следить, если сицилийцы что-то подозревают. Надо было просто позвонить. И у Джимми уточнить, не сидел ли кто-нибудь на террасе слишком долго. Но уже поздно.

У машины врагов тоже не было, но плохо то, что она стояла на солнцепеке, внутри теперь как в печке. Нагнувшись, я открыл сперва окно пассажирской двери и лишь потом водительской – так хотя бы насквозь продувать будет. Затем приподнял лобовое стекло: пусть и оттуда тянет. Да, кстати, я припарковался рядом с красной, совсем лондонской телефонной будкой, а мне бы позвонить Иану.

Выбрался из машины на улицу снова, нашарил мелочь в кармане, зашел в будку. Попытался закрыть за собой дверь, но тут же передумал это делать, как в духовке оказался. Ладно, никто не подслушивает, а я прямым текстом не буду.

Иан снял трубку сам и быстро, где-то рядом был, наверное. На заднем фоне слышен автомобильный двигатель, который гоняют на больших оборотах.

– Привет. Товар уйдет послезавтра, платят по семьдесят за ящик.

Короткая пауза, затем ответ:

– Понял, нормально. Цена упала?

– Да, немного. Покупатель руки выкручивает.

– Бывает. Какие-нибудь еще новости?

– Нет. Читай газеты вечером. И поаккуратней там.

– Ты тоже.

Теперь к Цви – убрать инструмент и взрывчатку, а заодно свертки с дерьмом, которые ездят у меня в машине за спинкой дивана, и дальше переодеться и в отель. Пора перевоплощаться в светского льва.

В отель я попал к пятичасовому чаю. В это время за столиками в холле собрались все пожилые светские леди местного британского общества в небольших, чаще соломенных, шляпках и уместных ко времени платьях, все больше с длинными по возрасту и статусу рукавами. Официанты в белых фраках бесшумно скользили между столиками, музыки не слышно, только тихий гул голосов.

На портье фраки были черными с серыми брюками, как во всех отелях «Ритц» по всему миру. Один из них, молодой и румяный, отдал мне ключ от номера, пожелав приятного дня. Вместе с ключом он протянул мне небольшой конвертик, сказав, что это доставил посыльный. Я сунул слегка пахнущий духами конверт во внутренний карман пиджака.

Так, вот еще что... я направился к стойке консьержа.

– Мне нужна машина напрокат.

– С шофером, сэр?

– Нет, я сам буду за рулем. Предпочтительней седан. Пусть положат карту города.

– Вы предпочли бы платить за милю или за день?

– За день.

– Одну минуту. – Консьерж взял трубку.

Разговор с кем-то на другом конце провода занял минут пять. Затем консьерж прикрыл трубку ладонью и обратился ко мне:

– Они могут предложить «Бьюик» или «Форд-Ви-восемь». И есть седаны «Ласалль», сэр, они дороже. По специальному заказу они могут зарезервировать даже «Ягуар» или «Роллс-Ройс», если угодно.

– Я возьму «Ласалль».

Тут надо золотую середину выдержать. Машина должна быть такой, чтобы не стыдно подъехать к кантри-клубу, и в то же время чтобы на нее на окраинах не оборачивались. И в пир, и в мир, так сказать. «Ласалль» вроде как претендует на статус – это почти «Кадиллак», но все равно не «Кадиллак». Мне как богатому бездельнику к лицу купе, но... седан может понадобиться.

Консьерж назвал марку собеседнику, положил трубку и кивнул мне:

– Машина будет через двадцать минут, сэр. Я вам позвоню... – Он придвинул к себе обтянутый в кожу журнал с эмблемой отеля и вопросительно посмотрел на меня.

– Комната шесть – пятнадцать.

– Благодарю вас, сэр.

Так, машина у меня будет.

И направился к лифту. Стоящий в глубине отделанной мореным деревом и красной тканью кабины лифтер в униформе вежливо улыбнулся, когда я вошел в лифт, спросил:

– Какой этаж, сэр?

– Шестой.

Мы дождались двух немолодых дам, идущих следом за мной, те попросили четвертый. Лифтер закрыл двери и повернул рычаг. Лифт, лязгнув какими-то железными потрохами, плавно поехал вверх. На четвертом пожилые леди, продолжая болтать о чем-то, к чему я не прислушивался, дружно вышли, а лифтер сдвинул рычаг на деление с цифрой «6».

– Всего хорошего, сэр.

– Спасибо.

Толстый ковер в коридоре совершенно заглушал шаги. Так вот злодеи к номеру прокрадутся, а я и не услышу, нехорошо тогда получится. Но вот в самом номере никаких злодеев не оказалось. Вещи из чемоданов разобраны и висят в шкафу, обувь выстроена на полке, те туфли, что я оставлял почистить, надраены до блеска.

Так, послание... судя по запаху духов, это от Марго... ну, точно.

«Звонила тебе весь день вчера, но тебя не было в отеле. Ничего не случилось? Люблю, Марго. P. S. Как бы то ни было, а ты приглашен в лодочный клуб «Сассекс» на вечеринку в честь его десятилетия, твое имя уже в списке. Начало в 8 вечера, пляжный костюм. Увидимся!»

Не заявится сама сюда? Нет, не заявится: ей придется спрашивать у портье, в номере ли я, она не замужем, это недопустимо, даже она не решится. К тому же половина тех пожилых леди, что пьют чай с молоком внизу, могут ее знать. Встретаться еще придется, но не здесь – в других отелях, где можно зарегистрироваться под чужим именем.

Переодеться к... лодочному клубу. Пляжный костюм. Можно допустить не цельный

костюм, но попробую быть чуть формальней, чем нужно. Цельный костюм, однобортный пиджак. Я вытащил из шкафа вешалку с костюмом цвета «светлая терракота», в клетку. Шляпа... канотье с красно-белой лентой, тогда и галстук... бабочка, красноватая, в белый горошек. Туфли... двухцветные «оксфорды», белый верх, побольше дырочек. Сорочка просто белая, потому что костюм достаточно пестрый. Никаких цветочков в петлицу, просто белоснежный платок в нагрудный карман. Вот так будет нормально. Соответствовать.

Звонок. Консьерж.

– Сэр? Ваша машина уже здесь. Хотите ее посмотреть или пусть оставят ключи у меня?

– Пусть оставят ключи.

Машина наверняка новая и светлая, другую в этот отель и по такой жаре не привезут. «Ласалль» я знаю.

– Спасибо, сэр.

Да, кстати, напомнил. Я открыл небольшой саквояж, который принес из дома, вытащил оттуда очередную замшевую кобуру с пистолетом, на этот раз не с таким маленьким. «Правительственная модель», только не сорок пятый калибр, а «38 супер»: пули этого патрона способны разбивать двигатели машин, для чего этот патрон, собственно говоря, и придумали. А я «кольт» люблю за удобство и за то, что этот пистолет, несмотря на размер, очень плоский, его легко скрыть под одеждой. Только пока спрячу в машине, пусть в ней и лежит. Маленький «маузер» тоже со мной, кстати, его и на щиколотку можно.

Все, теперь оставшееся время с пользой провести. Табличку «Не беспокоить!» на дверь, ключ в замок, с полуприворотом, чтобы даже случайно его не вытолкнуть, и за бюро. Вот теперь надо разобраться в тех схемах, что Сингер передал.

Итак, начнем от печки, то есть от самого здания аукциона «Де Бирс». Компания, основанная еще самим Сесилом Родсом, перенесла свою штаб-квартиру сюда, в Большой Каир, где у самых больших и чистых бриллиантов образовалась новая стоимость, поднявшая их и без того немалую цену в несколько раз. Ты добыл камень весом в несколько карат без единого изъяна? Тогда тебе сюда, общие цены для тебя уже неприменимы. Только «Де Бирс», скупая камни по всему миру, сами подняли закупочные цены на высший цвет и чистоту против тех, что были недавно. Но когда камни проходят Долину Царей и принимают в себя Силу – вот тогда начинается аукцион, на который съезжаются все толстосумы мира. Никогда не было такого спроса на бриллианты, никогда в истории.

Камни много места не занимают, так что находятся в одном-единственном хранилище, но проникнуть в него не сможет ни один взломщик. Там даже земля защищена от подкопа, а сама комната-сейф собрана из бронеплит такой толщины, что нечего и надеяться на то, что их получится прорезать хоть чем-нибудь, что доступно обычным взломщикам.

В соседней комнате двое вооруженных охранников. Всерьез вооруженных. Ключей, кодов и других способов попасть в хранилище у них, понятное дело, нет. Каждая новая партия бриллиантов приезжает в здание аукциона в броневике, в сопровождении других броневиков и мощнейшей охраны. Камни оценивают, убирают в хранилище и больше не достают оттуда до самого аукциона.

Во время аукциона хранилище открыто. Весь день. Камни выносят в аукционный зал партиями, поднимаясь на два этажа по лестнице. Но к сейфу все равно не пройти, потому что добавляется вооруженная охрана по всему пути проноса камней, и еще там есть и дополнительные стальные двери, через которые так просто не прорвешься, и дополнительные решетки. В них даже замков нет, насколько Сингер сумел узнать, там

просто окошко с бронестеклом, и через него смотрит вооруженный охранник, который отодвигает засов.

Рядом со зданием биржи, вплотную к нему, здание агентства «Пинкертон», которое и охраняет аукцион. Из здания агентства есть проход в здание аукциона, закрытый толстой бронированной дверью с кодовым замком, какую даже в лабораторных условиях вскрывать автогенном – несколько часов уйдет, наверное.

И вот тут начинается самое интересное: по каким-то там правилам коды от этой двери в обязательном порядке передаются генерал-губернатору, вице-губернатору и, что объяснимо, старшему суперинтенданту полиции Большого Каира. И вот тут мы вспоминаем про *rara* Марго, который этим вице-губернатором и является.

Но и тут не все так просто. Где-то в доме у вице-губернатора Бриггса тоже есть скрытый сейф, причем не простой, а изготовления компании «Хаффнер», который тоже вскрывать долго и мучительно. И это не букмекерская контора в Маленькой Италии – весь квартал, где находится резиденция вице-губернатора, под охраной, в доме всегда люди, есть сигнализация... да и никто не рискнет нападать на второго человека в правительстве Большого Каира. До этого даже самые бесшабашные бандиты не додумаются.

Но вот Сингер, скупающий любую информацию, попутно узнал, что у лорда Бриггса плохая память на цифры. И он все записывает. И при этом много работает дома, то есть часто пользуется сейфом. Значит, где-то в его кабинете просто обязан быть записанный код, не может быть по-другому.

Как анекдот про смерть Кашееву получается, но... попытка того стоит.

А вот Сингер молодец. Он покупает и покупает информацию, кусочками пазлов раскладывает ее по папкам. Разную информацию, обо всем и обо всех. А потом эти кусочки вдруг начинают складываться у него в картинки. И оказывается, что он знает нечто такое, чего не знает никто больше. Кстати, где он держит свой архив? Никогда его не видел.

Так, к схеме... тоннель идет под всем районом, под многими зданиями. И вот теперь надо решить, откуда в него спуститься. И еще предупреждают, что в тоннеле могут быть решетки. К этому тоже следует быть готовым. Причем готовиться надо заранее.

Портье принял у меня ключ от номера, а консьерж выложил ключи от машины.

– Вам надо подписать здесь, сэр. – Он положил передо мной лист контракта.

Я бегло посмотрел его, подмахнул, взяв авторучку со стойки, протянул обратно, приложив пару фунтов.

– Спасибо, сэр, – заулыбался он. – Машина на стоянке, посыльный вас проводит. – Он жестом подозвал подростка в круглой шапочке.

Подросток, круглолицый и конопатый, получил от меня на стоянке шиллинг и убежал, довольный донельзя. А я же остался у светло-голубого «Ласалля». V-образная «восьмерка» в сто двадцать пять сил, два ряда мягких плюшевых сидений, большой багажник. Панель из эбенового дерева с хромированными вставками в стиле ар-деко, руль на «пружинных спицах», фигурка на капоте. Машина совсем новая, этого года. Может, для светского льва это и так себе машина, но для настоящего меня очень хороша. Нет, даже для льва вполне себе, соответствует статусу.

Так, полный бак, все показатели на уровне... заводим и поехали. Пора, лодочный клуб «Сассекс» меня приглашает, а там меня ждет... ну, представим, что потенциальная невеста и я весь горю страстью. Ну и она тоже этой самой страстью горит. Только вот «кольт» уберу

под сиденье, пусть там полежит, прямо в кобуре.

До клуба недалеко, минут десять езды, не больше. Солнце уже село – тут оно рано садится, вдоль Нила, на набережной Гранд-Променад горели фонари, и на каждом здании гирляндами переливались сотни лампочек, собираясь в рекламу, названия, очерчивая контуры подъездов и маркизов. Дорогие машины едут в обе стороны, публика на тротуарах, веселая и довольная – знойный день закончен, жара спала, теперь можно идти развлекаться хоть до утра, если есть деньги и время. А время есть у многих, так как тут, как нигде, полно всяких богатых наследников, благополучных рантье и всех прочих, кому ежедневный труд не нужен. Как мне, например. Впрочем, именно меня богатым можно назвать с большой натяжкой.

Лодочный клуб разместился прямо на воде, на четырех огромных дебаркадерах, к которым и рядом с которыми было пришвартовано множество моторок и катеров. На входе, под огромной переливающейся надписью «10 лет» висела афиша, извещавшая о том, что на вечеринке играет джаз-оркестр Джо Ламара, и действительно, на всю улицу раздавался свинг Бенни Гудмэна «Sing, Sing, Sing». Стоянка вдоль набережной сплошь забита машинами, но меня встретил ваlet в ярко-красной куртке с бронзовыми пуговицами и в шоферской кепи, выдавший бронзовый жетон, сменивший меня за рулем и угнавший «Ласалль» дальше.

У входа в клуб, у перегороженных красным канатом на золотистых столбиках сходен, собралась маленькая толпа. За стойкой, сверяя имена со списком, стоял высокий худой человек в стилизованной морской униформе и в шкиперской фуражке.

– Роберт Ван Дер Меер, – назвал я себя.

Высокий пробежался взглядом по списку, удовлетворенно кивнул, стоявший рядом дормэн отомкнул канат.

– Приятного вам вечера, сэр.

– Благодарю вас.

Широкие, чуть пружинящие сходни вывели меня на центральный дебаркадер, на котором собралась толпа гостей. По углам выставили передвижные буфеты, где разливали напитки, между людьми сновали официанты с подносами, разнося ледяное шампанское в высоких узких бокалах. Один сразу же остановился возле меня, а я немедленно схватил холодный, влажный на теплом воздухе бокал.

Мм-м, хорошее шампанское, между прочим. Я чуть заметно отсалютовал бокалом проходившей мимо яркой блондинке, которая максимально загадочно улыбнулась в ответ, и в этот момент заметил торопившуюся через толпу Марго.

– Роберт, кому ты подмигиваешь? Я буду ревновать. – Допустимая в обществе шутка.

– Просто в глаз что-то попало, – заулыбался я навстречу. – Новая прическа?

– Женщины должны меняться. – Она тоже загадочно заулыбалась.

Забыл, в каком кино в этом году так улыались. Может, и не в этом, но вот поветрие пошло с этого. Чуть с наклоном головы, и глаза еще так в пространство.

Как бы то ни было, выглядела она очень симпатично. Золотистого цвета платье из струящегося шелка, заколотое на плече брошью, на голове тоже «лодочная» шляпа – условия выдержаны. Браслет на руке из сцепившихся между собой золотых рыбок с глазами из мелких алмазов.

– Некоторые умеют меняться исключительно в лучшую сторону. Причем каждый день. С кем ты здесь?

– С целой компанией, я тебя представлю. – Она взяла меня под руку. – Но сначала пошли

поздороваемся с *татап*.

– Где она?

– В ресторане, разумеется. С остальными старыми клушами.

– Марго, ты несправедлива, она совсем не старая.

– Тогда просто клуша, – вздохнула Марго.

Марго – почти бунтарка. Она хотела даже уехать в Париж и там приобщаться к искусству и богемной жизни, но ее не отпустили и даже пригрозили урезать наследство, а то и вовсе оно лишить. На это она не была согласна и осталась и теперь вынуждена ждать удачной партии для замужества. Хотя сама замуж не рвется и, как мне кажется, нынешний статус ее вполне устраивает. Всегда в центре внимания, хвост кавалеров, светская жизнь. Может, и не такая развеселая, как богемная в Париже, но все равно со скуки не помрешь.

Ресторан на соседнем дебаркадере. Огромная открытая терраса, все белое от пола или палубы, я не знаю, как на дебаркадерах правильно, до навесов над белыми же столиками. Столиков свободных нет, их заказали заранее. Не знаю, сколько каждый стоил, но наверняка не меньше двадцати фунтов.

Столик, за которым сидела баронесса вместе с компанией мужчин и женщин, был из лучших. *Матап* встретила меня доброжелательной улыбкой. Ну, тем, что в ее понимании является доброжелательной улыбкой.

– Роберт? Я рада, что вы здесь. Как вам первые дни в Большом Каире?

– Леди Бриггс, благодарю, очень приятно вас видеть тоже. Прекрасно. С каждым часом место нравится все больше и больше.

– Где успели побывать?

– Пока больше ездил по городу и вокруг, побывал в Долине Царей, проехался по Нилу, – перечислил я первые стандартные развлечения новичков в этом городе.

– Было бы хорошо, если бы вы решились поселиться здесь. Уверена, что вам бы понравилось. Вы говорили, что жили в Париже?

– Да, пару лет.

Я тут не соврал, точнее, соврал не до конца. В Париже я вырос и иногда там бываю. По своим делам.

– Поверьте, Латинский квартал во французском секторе – это просто кусочек Парижа здесь.

Ну, не совсем, я бы поспорил. Но все же недалеко от истины, отчасти поэтому я там и поселился.

– Насколько там приличное место? – Баронессы не живут в неприличных местах, вот и я тоже не должен.

– Мне трудно судить, я там редко бываю, если честно. – Она пренебрежительно усмехнулась. – Возможно, вам было бы лучше поселиться в даунтауне или в Оазисе. Не были в Оазисе?

– Пока не довелось.

– Мы там живем. Это чудесный спокойный район, много зелени и воды, прекрасные виллы. Джордж может вам помочь с поиском недвижимости. – Леди Бриггс повернулась к сидящему за тем же столом высокому худому джентльмену в благородных сединах. – У него самое большое агентство в Большом Каире. Кстати, Джордж, познакомься, это друг Маргарет, Роберт Ван Дер Меер, он приехал всего пару дней назад.

– Джордж. – Джентльмен белозубо улыбнулся, поднявшись из-за стола и протягивая мне

руку. – Джордж Махони, вот моя карточка. – Он протянул мне визитку с логотипом «Кинг Тут Проперти».

Говорил он с заметным американским акцентом.

– Живу в отеле, пока нет постоянного адреса, так что нет своих карточек, – вроде как оправдался я. – Но в любом случае не премину воспользоваться предложением. Думаю, вероятность того, что я останусь здесь жить, высока.

– Никто не подберет жилья лучше нас, Роберт, – снова заулыбался Джордж. – Есть много домов, которые просто не вышли на открытый рынок, мы ищем на них покупателей среди своих. В некоторых местах не хотят соседей без рекомендаций. Много тонкостей.

– Спасибо, тогда мне точно понадобится опытный гид.

– Кстати, играете в гольф?

– Разумеется, – кивнул я. – Слышал, что здесь хорошие поля?

– Великолепные, особенно в частном «Грин Филдс». Если пожелаете, буду счастлив пригласить на игру. Куда вам позвонить?

– Признателен, не откажусь. – Я просто весь благодарность и дружелюбие. – Я остановился в «Ритце».

– Как со свободным временем?

– У меня все время свободно, – заулыбался я.

Образ богатого наследника, который не знает, куда деть деньги и время, – лакомая добыча для агентов по продаже недвижимости, поэтому и срочное приглашение на игру: там все можно будет обсудить «по-дружески», предложить варианты.

– Обязательно позвоню вам послезавтра. Думаю, что завтра, после сегодняшней вечеринки, должно быть спокойным.

– Никогда не думал, что американцы еще и такие деликатные! Особенно если разговор идет о деньгах.

За столом засмеялись.

– Деликатность окупается, – со смехом ответил Махони.

– Роберт, пошли! – потянула меня за руку Марго. – Познакомлю тебя с остальными!

– Леди Бриггс, господа. – Я слегка поклонился всем сразу.

– Идите, Роберт, там вам будет веселей, – заулыбалась баронесса.

Чтобы попасть к «остальным», пришлось покинуть ресторан и пересечь дебаркадер-«вестибюль». На следующем дебаркадере находились бар, дансинг и эстрада, на которой оркестр Ламара наигрывал что-то незнакомое, но опять свинговое. Ну и там танцевали, активно. Но оказалось, что нам не сюда, а в «чилл аут ланж», то есть на следующий дебаркадер, где на широких диванах за низкими столиками сидели целые толпы публики помоложе.

– Пошли со мной! – тащила меня Марго. – Мы сидим вон в том углу.

В компании было не меньше десятка человек, мужчин и девушек примерно поровну.

– Друзья, это Роберт. – Марго представила меня уже без фамилии, признак свободы нравов и неформальности в отношениях. – Роберт, а это вся наша банда бездельников, но уверена, что ты всех полюбишь. Это Найджел: он бездельничает так активно, что у него почти не остается свободного времени. – Мне протянул руку высокий худой блондин с итонской осанкой. – А это моя подруга Жанин. – Марго представила хорошенькую шатенку с худеньким, чуть скуластым лицом, курносую и большеглазую. – Жанин из Парижа, я чуть было не уехала жить к ней в гости.

Ага, так вот кто вредно влиял.

– Роберт жил в Париже два года. – Марго пояснила уже для Жанин.

– Как приятно, – заулыбалась та. – А где жили?

– В отеле «Лютесиа», что на бульваре Распай. Знаете такой?

– Конечно! Там прекрасное кафе в соседнем доме, лучшие круассаны в городе!

– Вы ели круассаны? – воскликнул я с притворным удивлением, оглядев Жанин с головы до ног. – Или просто делали вид, что ели, чтобы не расстраивать парижан, а сами скармливали их голубям?

– Я просто прятала их в сумочку и уносила с собой, – засмеялась она. – Когда вся моя квартирка ими заполнилась, мне пришлось искать другую.

– Роберт, я намерена ревновать! – заявила Марго. – Знакомимся дальше.

Сестры Роуз и Летиция: типично британская внешность, бледная кожа, светлые глаза. Живут в Сюррее, сюда приехали на каникулы. Брэдли – пухлый, рыхлый, в очках, работает в адвокатской фирме, в которой его родитель за главного партнера. Уильям – рано лысеющий, худой, носатый, насколько я понял – наследник паровой компании «Луксор Лайнз», монополизировавшей все речное сообщение от Луксора до Порт-Саида. Кстати, вроде бы кавалер Жанин. Мэриэл Бромли – маленькая, круглая и круглолицая, непривычно смуглая для англичанки, смеющаяся любой шутке. Оказалась дочерью того самого доктора Бромли, с которым я делил стол в салоне «Духа океана». Перси Канингэм – спортивный, подвижный, среднего роста, в Порт-Саиде стоит его яхта, на которой он собирается принять участие в гонке. С ним друг, Хэнли – он в его экипаже, чей-то наследник, успел немного послужить во флоте, но, с его слов, быстро заскучал и устал слушаться кретинов, так что сейчас бездельничает, потому что так проще всего планировать будущее.

К компании подходили люди, сбивались в быстрые болтающие группки, которые тут же распадались, и дальше все снова тасовались, как карточная колода. Марго повисла у меня на локте, оттащила в сторону, сказала громким шепотом:

– Роберт, завтра же найди нам отель. Твоя подружка сгорает от страсти.

Ну надо же, как я угадал.

– Где лучше?

– В австрийском секторе, британское общество с ними общается мало, – ответила она сразу же, видать, обдумывала долго. – В немецком не вздумай, там могут в отеле потребовать подтверждение, что мы женаты.

– Какие-нибудь особые пожелания, мисс? – изобразил я дворецкого.

– Не паясничай. Есть хороший отель «Кайзерин», он на Шестой улице, но чуть в стороне от всего, мою машину там даже случайно никто не заметит.

– Надо же, какой опыт? – Тут я изобразил удивление.

– Даже не вздумай! – Она фыркнула от смеха и ткнула меня локтем в бок. – Там божественные пиро-жные, меня подруга туда возила. Кстати, после любви будут очень кстати.

– Даже во время, – поддержал ее я.

– Еще одно такое предложение, и я наймусь агентом, чтобы пристроить тебя в клоуны. И тогда тебе уже не надо будет думать, чем здесь заниматься. Жанин! – махнула она рукой. – Поболтай с нами.

Жанин, покачивая бедрами, подошла к нам, чокнулась поочередно с обоими шампанским.

– Прекрасный вечер, жара наконец спала, – сказала она. – Днем дышать невозможно.

– Впервые здесь?

– Да, Марго буквально похитила меня из Парижа. Но думаю, что придется задержаться.

– Понравилось место?

– А разве плохо? – засмеялась она, показав бокалом на веселящуюся толпу. – К тому же мои друзья намерены открыть в Каире галерею, так что я буду ждать их здесь. Кстати, заранее приглашаю на открытие.

– И когда оно состоится? – заинтересовался я.

– Очень скоро, в Вернисаже на пляс де Фош. Вам понравится, это несколько художников под покровительством самого Фернана Леже. Но открытие будет в «Ксанаду» – это варьете на той же площади, знаете? Будет петь Моник Франсуа. Только это пока секрет, – она прижала палец к губам. – Страшный секрет!

– У тебя все секреты страшные, только ты первая их и выбалтываешь, – хихикнула Марго.

– Когда это я их выбалтывала? – картинно возмутилась Жанин.

– Сейчас, например.

– Вам можно, – Жанин снова засмеялась, – а то вдруг не придете на открытие.

– Мы обязательно придем, дорогая. – Марго поцеловала ее в щеку.

Марго была права, предложив найти гостиницу в австрийском секторе. Британский свет имел меньше всего связей со светом германским и австро-венгерским. Но в отелях германского сектора правила были почти казарменные, так что для свиданий они подходили плохо, а вот австрийцы успешно сочетали в себе и отдаленность от британцев, и простоту нравов.

«Кайзерин», несмотря на чопорное название, был отелем, популярным среди тутошней богемы, какая побогаче, так что видел всякое. Главное, что в нем как назвался, так тебя и записали. Мы с Марго записались как «мистер и миссис Браун», и никто слова не сказал, хотя даже по глазам портье было понятно, что он нас раскусил в момент. Да, и еще здесь с удовольствием принимали наличные.

В этом отеле легко затеряться, потому что на первом этаже кафе, бар и ресторан, и все куда как популярны. И даже если кто-то опознает Марго, то у нее всегда будет оправдание – коробочка из глянцевого картона, в которой аккуратно уложены миндальные пирожные. Заходили и выходили мы все же порознь, хотя номер я держал за собой постоянно, просто потому, что именно так поступил бы наследник большого состояния и к тому же аргентинец, не мелочась. Так что прибыль с налета на букмекерскую контору лишней не оказалась: номер стоил полтора фунта в день.

Машина Марго, ее ярко-красный «Делайе 135», бросалась в глаза, конечно, но я даже не пытался уговорить ее приезжать на такси – все равно не согласится. Мне лишь бы от дома не отказали до того момента, как я сделаю все, что мы с Сингером запланировали. У Марго же планы были смутные, но тревожащие. Однажды, когда мы сидели в кафе за столиком у оградки террасы и слушали журчание фонтанчика, она вдруг сказала:

– Роберт, ты знаешь, *tatam* о тебе отзывается все лучше. Даже если она вдруг узнает, чем мы тут занимаемся, самое худшее, что нам грозит, – свадьба.

– Какой ужас! – в преувеличенном шоке всплеснул я руками.

– Да, я тоже так думаю. – Марго захохотала, откинувшись на спинку плетеного кресла. – Мне даже кажется, что она была бы рада такому исходу, ее очень беспокоит мой образ жизни.

– Надеется, что ты справишься после замужества?

– Вероятно. – Марго сцапала миндальное пирожное и откусила краешек. – Пока она страдает от того, что меня уже нельзя отшлепать.

– Ну почему? – Я пожал плечами. – Позвать в помощь лорда Бриггса, Уилфрида и пару горничных...

– Роберт, боже мой, ты вообще можешь быть серьезным?

– Зачем?

– Ну, не знаю, хотя бы ради разнообразия.

На самом деле я очень серьезен. Марго только что сообщила, что леди Бриггс, судя по всему, переместила меня со скамейки запасных в лист потенциальных женихов. Это и хорошо, и одновременно плохо. Хорошо для дела, а плохо потому, что Марго и сама в глубине души может на что-то подобное рассчитывать. А обижать ее мне не хочется – она добрая и веселая, и пока я рассматривал нашу связь как необременительную для нее, без серьезных планов. Тогда будет не так обидно, если Роберто Ван Дер Меер вдруг неожиданно уедет в

Аргентину в силу неожиданно возникших обстоятельств неодолимой силы.

– Я попытаюсь, хоть и не вижу в этом никакого смысла.

– Пригласи меня куда-нибудь.

– Может быть, в кино? В «Вавилонской башне» премьеры картины.

– «Додсворт»? – спросила Марго. – Да, я слышала. Я согласна. А еще в «Нью Сохо» дают «Мою прекрасную леди» лондонским составом. Пошли?

– Сегодня же закажу билеты.

– Отлично.

Все же очень много времени приходится проводить с ней. Пока не наткнулся ни на кого, кто бы меня узнал, но даже в этом огромном городе подобная встреча – лишь вопрос времени. Хотя... боюсь, что после всего, если это самое «все» получится, мне все равно придется город покинуть. Куда потом? На самом деле в Буэнос-Айрес? Или в Америку? Париж? Вообще-то я уже привык к Большому Каиру, обжился здесь, жалко будет оставлять такое удобное и хорошее место.

– Да, дом пока не нашел?

– Пока нет.

С Джорджем Махони мы уже дважды играли в гольф, и он дважды возил меня в «Оазис» показывать виллы на продажу. Я старался выглядеть заинтересованным, задавал много вопросов, обещал подумать. Пока мой провожатый в сложном мире торговли недвижимостью был откровенно оптимистичен. То есть я хороший актер. Но виллы и вправду впечатляли. Будь я и в самом деле наследником огромного аргентинского состояния – непременно купил бы. А так нет, не куплю.

– Да, чуть не забыла! – вдруг отвлеклась Марго и полезла в сумочку. – В пятницу Уильям устраивает вечеринку на пароходе. Ланч, небольшой круиз, ужин, музыка и танцы. Вернемся в город к утру. Будет в основном молодежь. Ты там желателен вместе со мной. – Она улыбнулась и выложила на стол карточку приглашения.

– Хорошо. – Я взял карточку, бегло пробежал взглядом.

Пляжный костюм до ужина, более формально на ужин и после.

– Думаешь, будет весело?

– Наверняка, там все общество. Познакомишься с теми, с кем еще не успел.

– А с кем я не успел?

– Увидишь, – фыркнула она. – И если попробуешь снова подмигивать блондинкам – столкну за борт и возвращайся в город вплавь. Да, насчет плавания! У нас во дворе достроили бассейн, так что на следующей неделе будет вечеринка по этому поводу. Придешь?

– Ну а куда я денусь?

Вот туда я точно приду. Это уже движение в правильном направлении. А так да, новая мода на бассейны дома перескочила океан и пришла сюда. Из четырех вилл, что я смотрел с Махони, в двух были новенькие бассейны.

Вечеринки, вечеринки, вечеринки. Основным занятием друзей Марго было ходить на них, потом их обсуждать, ждать следующих и идти уже туда, чтобы потом снова было что обсудить. Ну и сплетни, сплетни были настоящим цементом общества: все следили за всеми и всем перемывали кости. При этом им все равно было весело, хотя я находил подобный образ жизни весьма скучным.

Кстати, пора и самому что-то устроить для дальнейшего, так сказать, слияния с

обществом. Остается только придумать повод. Без этого нельзя, не поймут. Надо с Марго посоветоваться, пусть придумывает – не все же ей о свадьбе размышлять.

В «Ритце» меня ждал сюрприз – в номере кто-то побывал и поинтересовался содержимым моих чемоданов. Нет, ничего не было разбросано, все оставалось на своих местах, и доступ горничной в номер вовсе не был запрещен, но горничные не лезут в уже разобранные чемоданы. А маленькие клочки бумаги, словно случайно зажатые крышками, сейчас лежали на дне. То есть кому-то было интересно, что я держу в номере.

Так, а что с сейфом? Ага, тут крошечная бумажка на полу, то есть дверку открывали, причем без всяких следов взлома. Вытащив из кармана маленький ключ, я открыл сейф, заглянул внутрь. Все лежит в том же порядке, в каком я оставил. Паспорт, вторые часы, несколько пар запонок и булавки для галстука. Немного наличных, так я деньги здесь не держу. То есть это не грабители. Интересно.

Кто-то смотрел мой паспорт. Чем это мне грозит? Почти ничем, если не связываться с аргентинской полицией и не просить ее разыскать настоящего Роберто Ван Дер Меера, который даже не подозревает, что так раздвоился. Он не знает, что у него есть счет в «Барклиз», на который деньги поступают из Швейцарии, что он тут спит с дочкой вице-губернатора Большого Каира и присутствует на всех светских вечеринках.

И все же... что можно было обо мне узнать, порывшись в вещах? Ничего. Кроме того, что я посещал Неаполь, потому что пошить весь этот гардероб можно только там. Но это не секрет. Даты на этикетках не стоят, так что не поймешь, что все пошито разом, что могло бы вызвать подозрения. Может быть. Оружие у меня с собой или в машине. «Кольт» в машине, а маленький «маузер» под мышкой, Марго про него знает, но ей я объяснил, что это «аргентинская традиция» и вообще привычка. Ей это даже показалось романтичным.

Хуже другое – это знак. Признак того, что за мной могут следить, и это последнее, что мне нужно. Это не люди Антенуччи, однозначно. Если бы они проникли в мой номер, то в нем бы меня и дождались. Полиция? Сомневаюсь. Не их стиль, они действуют более прямолинейно, хоть полностью исключать и нельзя.

Вообще-то так могут действовать кем-то нанятые частные детективы, но вот кто мог их нанять? Тут я совсем теряюсь, потому что именно для детективов я не очень интересная мишень. Лорд Бриггс? Хм... опять сомневаюсь, у него вся полиция в кармане. Что расследовать: мою связь с его дочерью? Никакого смысла, она совершеннолетняя. Если я им не нравлюсь, то проще дать от ворот поворот, чем посвящать в свои семейные дела кого-то еще.

Или вице-губернатор решил копать глубже? Поискать для начала что-то компрометирующее? Ему все равно потом придется посылать официальный запрос, а аргентинские власти не очень любят сотрудничать с британцами, так что не думаю, что просто так что-то выйдет... хотя если бы они нашли в номере что-то подозрительное, то, может быть, с запросом что-нибудь и получилось бы.

Но как я уже сказал, хуже всего возможная слезка. То есть мне теперь надо оглядываться. Не важно, кто собирается за мной следить. Плохо то, что я уже наметил три дома со спусками в тоннель и мне обязательно надо в них заглянуть. И вот если за мной кто-то при этом наблюдать будет, то ему мое поведение точно покажется подозрительным. Ну очень подозрительным.

Как бы то ни было, в остальном мне лучше вести подчеркнуто обычную жизнь.

Обычную для Роберто Ван Дер Меера, богатого наследника из Аргентины. И уж точно не показывать своего знания о том, что кому-то моя персона показалась интересной.

В общем, сейчас потенциального наблюдателя надо «покатать». По городу, как можно больше и дальше. Чем заняться? Шопинг! Даешь заезд по магазинам!

Впрочем, все хорошо в свое время: я заехал в отель, чтобы переодеться к вечеру. Никаких особых планов нет, но кто знает, куда занесет? Где-то и ужинать придется, возможно. Так что шамбре, костюм с двубортным пиджаком, он просторней, и кобура точно теряется, двухцветные «оксфорды», галстук в горошек, в тон с полоской на костюме, канотье. Вообще я не люблю канотье, но оно сильно меняет человека, так что пусть запоминают меня в нем. А так я предпочитаю панамы.

Выудил из кобуры пистолет и проверил – патрон в стволе, предохранитель включен. Мало ли кто у меня в комнате шарил? И вот теперь можно идти.

Да, и еще у консьержа заказать билеты на премьеру. «Додсворт», кажется так. Это уже на завтра.

Наблюдение я вычислил достаточно быстро. Серый «Ситроен Траксьон Авант» следовал за мной, стараясь не держаться близко, в машине я разглядел одного человека. И сразу отмел версию о сицилийцах, потому что гангстеры на таком «Ситроене» ездить не будут. Разве что совсем на мокрое дело, на краденной машине, но тогда меня бы свалили прямо на выходе из отеля, зачем ездить следом? Похитить? Тогда бы все равно на своей машине приехали. Да и не поедет никто похищать в одиночку.

Тут надо сказать, что рынок машин в Большом Каире поделен между Америкой и Францией в основном. Британские машины здесь все больше дорогие спортивные или «Роллс-Ройсы», германских, несмотря на качество, не так много – дороговаты при сходных с другими характеристиках, на австрийских ездят только граждане Австро-Венгерской империи, да и то совсем любители. А вот новый «Ситроен» – он как раз самый популярный в последние два года, даже в такси половина таких. Легкий, шустрый, с сорокасильным двигателем, с довольно просторным салоном, и на таком в потоке проще всего затеряться, а заодно и не отстать. То есть для частного детектива или полицейского агента – то что нужно.

Но полицейские агенты на «Ситроенах» не ездят, полицейский контракт плотно поделен «Фордом» и «Шевроле», да и не рискуют обычно полицейские залезать в чужие места без ордера. А вот для частного детектива это как раз вполне себе обычно. И машина подходящая.

Тогда вопрос: кто мог его нанять? В лорда Бриггса не верю, я уже сказал почему. А больше никто на ум и не приходит. Не пользуются в моем окружении услугами частных расследователей... Или у Марго другие кавалеры есть и их мучит ревность? Так не нужно, я верну ее сразу после аукциона в том самом виде, в котором и брал. Да и какой смысл? Мы с ней скрываем лишь факт того, что регулярно «предаемся страсти», а в остальном общество видит, что мы держимся вместе, ну и родители Марго относятся к этому благосклонно, так что все приличия соблюдены. И даже если тот, кто за мной следит, вскроет факт наших встреч в «Кайзерин», то никакого большого скандала не получится. Ну, сразу не получится, пока богатый аргентинский наследник внезапно не исчезнет. Но и потом скандал будет тихим, внутрисемейным: я все же человек преимущественно порядочный и специально наносить ущерб репутации Марго не намерен.

На Парк-авеню я пару раз резко прибавлял скорость, восьмицилиндровый мотор

разгонял «Ласалль» как паровоз, но серый «Ситроен» не отставал, хоть и по-прежнему старался оставаться незаметным. Нет, это не полицейская слежка точно, у них хотя бы две машины было бы, а это одиночка. И нет, это не наемный убийца, потому что возможности убить меня были, а сицилийцы убийц не нанимают, они предпочитают делать все сами. Да и не станут они меня сразу убивать, они не уверены в том, что это я ограбил их контору, да и похищенные деньги с героином сперва вернуть захотят.

Так, магазин «Фостер энд Сан», почему бы не зайти? Парковка перед ним удобная, а главное – там дальше перекресток, на котором можно не только свернуть, но и развернуться. То, что мне и нужно: так или оторвусь, или совсем их вскрою. Тем более что я вообще планировал сюда заглянуть.

В магазине, уставленном мужскими туфлями по деревянным полкам, сидел один человек – невысокий, полный, лысоватый, одетый лишь в жилет и рубашку с резинками на рукавах. Он курил и слушал радио. Почти так же выглядит их магазин на Джермин-стрит в Лондоне, только тот чуть больше. Знаменитые обувщики открыли филиал в Большом Каире совсем недавно, но похоже, что процветают здесь так же, как на родине. А вот модели отличаются: тут больше под жаркий климат, что мне и нужно.

– Сэр! – Толстячок вскочил навстречу. – Чем могу помочь?

– Хочу заказать броги и «блюхерсы» для жары. Как быстро вы сможете выполнить заказ?

– Вы хотите иметь постоянную колодку? – Толстячок вытащил из-под прилавка хитрую мерную машинку с ползунками.

– Желательно.

– Все верно, тогда вы сможете заказывать даже по телефону или через посыльного, – закивал тот. – Прошу в кресло. – Он показал на кожаное кресло с высокой простеганной спинкой.

– Давайте я сначала выберу модели.

– Разумеется, сэр! – Толстячок жестом пригласил меня к полкам. – Могу посоветовать броги с парусиновым верхом, низ – кордобская кожа. Посмотрите, – он чуть отогнул шнуровку, – под парусиной кожа как решето, все продувается, и перфорация по всему низу. Такие у нас заказывают очень многие, сэр, очень удачный покрой.

Я крутил ботинок на фоне окна, чтобы удобней было смотреть. «Ситроен» никуда не делся, стоит чуть дальше по улице. Так мне его не видно, но бок витрины здесь зеркальный, так что все равно его засек.

– Отлично. – Я вернул ботинок. – Эти я закажу точно. И что-нибудь белое?

– Вот такие броги, сэр. – Продавец взял другой, совершенно белый ботинок. – Стопа дышит в них великолепно. Если вы их испачкаете так, что их не смогут очистить, – просто пришлите их сюда: мы снимем краску и нанесем новую, никто ничего не заметит.

Водителя «Ситроена» так и не получается рассмотреть: уже темновато, и лицо в тени от крыши и полей шляпы, только силуэт и виден.

– Прекрасно. Именно эти я и закажу.

А что тут особо выбирать? Покрой классический, неизменный.

– Туфли для палубы вы не делаете?

– Нет, сожалею, сэр. Но могу адресовать вас в другой магазин, это чуть дальше по улице, «Конкер», сэр. Мы делаем только туфли для гольфа. Вы играете?

– Я играю, но давайте начнем с колодки.

Обмерял мои ступни толстячок долго и тщательно, а я размышлял над тем, что делать

дальше.

Есть соблазн присесть к следящему в машину, ткнуть пистолетом в бок и вежливо поинтересоваться, кто его послал, но это, наверное, все же неправильное и скороспелое решение. Потому что я несколько ломаю свой образ светского человека. Хотя... я вроде бы аргентинец, мне можно, я человек горячий.

С другой стороны... с другой стороны, мне все равно надо отсекать слезку, а сделаю я это активно, то есть преследователь все равно поймет, что я его вскрыл. Не грех и побеседовать заодно, так? Но делать это на Парк-авеню в разгар вечера... если он не дурак, а всегда лучше исходить, что твой противник не дурак, то он поймет, что я не выстрелю, так что угроза превратится в фарс. И я действительно не выстрелю, потому что не убийца и потому что вокруг множество свидетелей. Сейчас они, может быть, ничего и не заметят, но когда полиция начнет опрашивать всех вокруг... нет, тут делать ничего нельзя.

А где можно?

Можно было бы завести его к Маленьким Всем и там тормознуть в узком переулке, например. Но тогда нарушится образ скучающего богача, который катается лишь по чистым, светлым и богатым местам, я дам лишнюю информацию. А просто оторваться... да кто угодно может так поступить на самом деле. Что-то заподозрил и убежал. Так и сделаю, не буду форсировать события. Просто учту на будущее.

Я обулся снова, оплатил аванс – половину стоимости заказа наличными, а не чеком, не вызвав при этом абсолютно никакого неудовольствия у продавца, надел шляпу и вышел на улицу, все более шумную с наступлением вечера, который нес в одуревший от зноя город вечернюю прохладу. Дневная деловая жизнь сменяется ночной бездельной. Вон компания молодых людей, одетых в стиле «Лиги плюща», топает к клубу «Рамзес», откуда слышна уже музыка, а на веранде перед ним собралось немало людей. Мужчины, одетые для вечера, с дамами и без, куда-то целеустремленно идущие или просто празднующие. Здесь самые дорогие магазины, клубы и рестораны, здесь самая жизнь. Ну, еще и на Гранд-Променад, а весь район между ними – самое дорогое место в Большом Каире.

Сидит, наблюдает. Встал за три машины за мной. Но я проявлять интереса не буду, пусть пока все как обычно.

«Ласалль» утробно заурчал мотором, солидно и важно отъехал от тротуара. «Ситроен» тоже тронулся следом, сразу прикрывшись другой машиной. Я неторопливо разогнался, перестроился в левый ряд, чуть сбросил даже скорость, подъезжая к перекрестку со светофором, и когда вот-вот должен был загореться красный, утопил газ и резко свернул влево, уходя на перпендикулярную улицу. «Ситроен» даже не дернулся, потому что две машины перед ним остановились.

Все, ушел. Оторвавшись, сбросил скорость до приличной, после чего попетлял по району, чтобы преследователь меня точно не нашел. Теперь по своим делам. Доехал до «Гранд-отеля», поставил машину рядом, а затем прошел к стоянке такси, где и сел в стоявший первым желтый «Ситроен» с пашечками.

– Сэр? – Водитель был шотландцем, судя по акценту.

– Латинский квартал, угол авеню Наполеон и Тридцать пятой.

– Понял, сэр. – Водитель сбросил флажок счетчика и тронул машину с места.

Вот так, обрываем хвост окончательно. У меня дел полно на сегодня и на завтра.

В квартире меня никто не ждал, что уже хорошо, хоть я и вошел туда со своим

маленьким пистолетиком наготове. Сторожки тоже никто с места не сдвинул. То есть сюда никто в мое отсутствие тоже не забирался. Хотя бы берлогу мою пока не вычислили. Может быть. То есть пока не увязали личность Роберто Ван Дер Меера со мной настоящим. Тогда меняем внешность на сегодня. Льяной пиджак синего цвета, светлые брюки, панاما в стиле федоры, пониже на глаза, тень укрывает лицо. Усики эти дурацкие еще... Первым делом сбрую, когда все закончится, терпеть их не могу.

Теперь оружие. Маленький «маузер» на щиколотку – там ему самое место, а вот под мышку опять «сэведж». Он плоский, компактный, но все же девять миллиметров. Надел кобуру с ним, посмотрел на себя в зеркале – нормально, незаметно. Впрочем, он вполне легальный. Настоящий, я в преступниках не числюсь, в полиции справку о благонамеренности дают безо всяких вопросов. Для всех я удачливый коммивояжер, торгующий конторским оборудованием. Скучно, просто зевать всем хочется. Пока ехал, никакого хвоста не заметил, хотя на этот раз искал его специально. Попетлял, пару раз рванул с места под самый светофор, сделал откровенно нелогичный круг, но хвоста не приметил. Сбросил я тот серый «Ситроен» на Парк-авеню, потерял он меня.

До нужного места тоже доехал по странной дуге. На самой границе американского сектора с Маленькими Всеми расположился польский район. Никакого специального названия у него не было, но населено место было почти полностью поляками. И настоящими, польскими, и теми, что числились американцами, но все равно предпочитали селиться поближе к своим. Причем чем дальше от границы внутрь сектора, тем «американистей» были поляки, а чем ближе к границе, тем «природней». Впрочем, австро-венгерские поляки селились и в австро-венгерском секторе, германские – в германском, ну а в этот район больше ехали те, которые из бывшего царства Польского, что входило раньше в Российскую империю.

Район не числился в совсем уж бедных, хоть и расположился вприжимку к фабричному, и опять же, чем дальше в «Америку», тем благополучней он выглядел, а главная улица, Тадеуша Костюшко, и вовсе была богата кавярнями, магазинами и вполне американскими с виду барами, разве что подавали в них помимо пива и бурбона еще и польскую водку.

В этом месте мой «Форд» чужеродным не выглядел: пусть подобных автомобилей тут было немного, все больше старые машины, но они были, хватало, разве что купе выглядело чуть выпендрежно, но это потому, что семьи католиков поляков были богаты детьми, так что все семейство в двухместную машину не уместить. В свое время, когда покупал купе, обругал себя пару раз за то, что не беру вообще не лезущий в глаза «Фордор», но тут тяга к удовольствиям победила разум.

Рабочий день на окрестных фабриках уже закончился, так что на Костюшко было людно и машинно. По устоявшейся привычке я не стал парковаться прямо у нужного мне места, а встал подальше, неподалеку от кинотеатра «Варшава», сунув двадцать пенсов солидному дедку, за машинами присматривавшему. Малолетние хулиганы все же могли напакостить, так что так надежней. Район преступным не считался, но вот на пьяную удаль был богат.

Идти пришлось кварталов пять, при этом я все равно несколько раз проверился. Том Малек, он же Томаш Малиновский, в моем кругу профессионального общения считался слабым звеном. Мною считался, понятное дело. Официально Том работал электриком, держал лавку, торгующую пылесосами, электрическими утюгами и прочим подобным, а заодно чинил все эти атрибуты сытой жизни по всему району. Это было, так сказать, витриной. А кроме этого он подрабатывал тем, что умел добыть схемы сигнализаций в

немалой части города, потому что у него кто-то работал в фирме, которая эти сигнализации ставила. Том знакомством не делился, но я и не настаивал, потому что работать через посредника во многих случаях безопасней.

Обратной стороной медали являлось то, что он торговал своими тайными знаниями достаточно широко, то есть в принципе через него можно было выйти на меня. Но именно что в принципе, потому что он даже моего имени настоящего не знал, а человек, который нас познакомил, вынужден был срочно покинуть Большой Каир и теперь обретался неизвестно где, скрываясь от железной руки закона. И все же я никогда не подъезжал к его магазину на своей машине, а подходя, был настороже.

Магазин располагался не на самой Костюшко, а в переулке рядом, в двух домах. Чтобы туда дойти, я свернул за два переулка вправо, обошел кварталы по параллельной улице и вышел с другой стороны.

Закрото, но я точно знал, что Тома застану на месте: он редко куда-то выходит и даже живет в квартире на третьем этаже, над магазином.

Стучаться в парадный вход я не стал, обошел со двора и позвонил в дверь черного хода, обитую жестью. Почти сразу послышались неровные шаги, глазок в двери на момент потемнел, а затем послышался звук отодвигаемого засова.

– Бернар, – ухмыльнулся он, пропуская меня и протягивая руку.

– Том. Как дела?

Да, он знал меня как Бернара и считал, что я из Парижа, француз. И вообще полагал, что я «гастролер», потому что я несколько раз в разговоре намеренно ронял такие фразы, из которых можно было сделать подобный вывод.

– Какие у нас могут быть дела? – вздохнул он. – Хотя бы кризис заканчивается, и за то спасибо.

Вообще он не бедствовал, но придерживался мысли, что если хвалить жизнь, то она от тебя отвернется и вообще удачу спугнешь. Человек, что меня с ним познакомил, рассказывал, что Томаш раньше жил в Кливленде, и хотя вроде бы тоже чинил утюги, но при этом и сам занимался взломами. Точнее, работал со взломщиком как специалист как раз по сигнализациям. Как-то они взяли заказ на добычу неких важных документов, куда-то залезли, а там все пошло не так, нагрянула полиция, пошла стрельба, самого взломщика убили на месте, а Том ухитрился выпрыгнуть в окно, повредив ногу, и даже доковылять до оставленной неподалеку машины, на которой и скрылся. На этом ему удача изменила, потому что заказчик оправданий слушать не захотел и решил Тома строго наказать, а наказанные им обычно отправлялись плавать с чем-нибудь тяжелым на ногах, а заодно травма оказалась серьезной, и Том охромел. После чего он решил сменить американский климат на африканский и перебрался сюда.

Хромал он заметно. Так ему было около сорока, наверное, и независимо от американизированного имени выглядел он типично по-славянски, при этом постоянно носил круглые очки с простыми стеклами и длинные шляхетские усы. И думаю, что не из патриотических побуждений, а потому, что в совокупности очки с усами его сильно меняли.

Задняя комнатка магазина представляла собой смесь склада подержанного товара, мастерской и «мужского логова». Жена Тома, с его слов, отличалась сварливостью, так он здесь от нее прятался. И курить она ему дома не позволяла, а здесь хоть топор вешай, и на столе в пепельнице тлеет сигарета. Впрочем, гостеприимный хозяин сразу распахнул маленькое зарешеченное окно, ведущее во двор, хотя дым от этого не развеялся.

– Садись, – предложил Том, показав на расшатанный стул с плетеной спинкой. – С чем пожаловал?

Сам он уселся напротив, через угол стола.

– С чем я могу пожаловать? – вроде как удивился я вопросу. – Вот здесь три адреса. – Я вытащил из кармана листок и протянул ему. – Надо узнать, есть ли вообще у них сигнализации, а если есть, то какие.

– Ты всегда печатными буквами все пишешь, – хмыкнул он, разглядывая написанное через свои ненужные очки. – Боишься почерк оставить?

Я только улыбнулся доброжелательно.

– Понимаю, – кивнул он. – Осторожность – первое дело, как раз поэтому с тобой дела веду. Я тоже осторожный.

Вообще-то он больше суеверный, чем осторожный: обходить квартал, если черный кот перешел дорогу, все же суеверие, но спорить я с ним не стал. Пусть и вправду думает, что я с ним согласен. Кстати, среди взломщиков вообще много суеверных.

– В этом мы друг друга понимаем.

– Только из Парижа?

– Ну вот давай без лишних вопросов, – засмеялся я.

Я даже французский акцент симулировал, хотя говорили мы на английском, и тщательно контролировал себя, чтобы не забыть.

– Посмотрю, что можно сделать. – Он убрал записку в карман. – Дай мне время до понедельника. И аванс тоже можешь дать.

Сумма аванса никогда не менялась, поэтому я молча отсчитал тридцать фунтов пятерками и выложил на стол. Деньги из рук в руки он тоже никогда не брал, говорил, что примета плохая. А вот со стола взял – с этим все в порядке – и тоже сразу в карман сунул.

– Тогда давай за удачу, – заявил он, поднялся со стула и направился к шкафу. – Дамскую или мужскую?

Отказываться нельзя, это тоже примета какая-то у него, да и не хотелось отказываться, потому что Том самостоятельно готовил наливки, а вишневка у него вообще получалась на диво. Делал все наливки он двух видов крепости – полегче и совсем как водка, и как объяснял, по-другому и не получается, это процесс такой. Сам он всегда пил «мужскую», а вот мне на вкус больше нравилась «дамская» – просто живая вишня на вкус, да и сам Том относился с пониманием, говоря, что «вот никогда не поймешь, кому что лучше». То есть на моем статусе в его глазах это никак не отражалось.

– Дамскую, как всегда.

– Как пан пожелает. – Слово «пан» легко вставилось в английскую фразу, а акцент у Томаша был совершенно американским.

Вернулся он от шкафа с двумя бутылками с рукописными наклейками на них и парой высоких рюмок, которые и выставил на стол.

– Это пану, а это мне. – Он сноровисто их наполнил, в воздухе запахло вишней. – У меня на родине palivki не делали, но вот бабка жила в России и там научилась. Бабка у меня, к слову, за князем замужем была, я не рассказывал?

– Рассказывал. Могу уже сам тебе всю ее биографию поведать, во всех версиях.

Версии обычно менялись, равно как и княжеское достоинство бабки время от времени превращалось в графское, а однажды Том проговорился о чем-то таком, из чего я сделал вывод, что бабка в России жила, но служила там в горничных, похоже.

– Мог бы еще раз послушать, история интересная, – ухмыльнулся Том. – Твое здоровье, – отсалютовал он рюмкой.

– И твое, – вернул я салют.

Кем бы бабка ни была, а наливки делать она точно умела и Тома научила.

– В Америке я их не делал никогда, а тут вот начал. И понравилось. Кстати, сливовую хочешь попробовать? И даже апельсиновую сделал, благо что тут апельсинов что картошки в Польше, но вот пока сам не пойму, как получилось.

– Давай когда за ответом приду, тогда сливовую. Мешать не хочу, да и эта очень нравится.

Душой я совсем не кривил, нравилась: я отпить успел.

В дверь позвонили, когда я рюмку почти опустошил. Том насторожился, затем знаком мне показал на дверь в магазин. Я его понял, никому ни с кем не нужно здесь встречаться: меньше знаешь, спокойней спишь. При этом он забрал со стола мою рюмку, одну из бутылок и быстро убрал все в шкаф. Соображает.

Вообще у него в магазине телефон есть, можно заранее о визите договориться, да вот не хочется заранее. Это не очень хорошо, когда тебя в таких делах кто-то не просто ждет, но еще и может кому-то предложить подождать тебя вместе. Людям Антенуччи, например, если вдруг прослышал о награде.

Поэтому я лишь молча кивнул и тихо проскользнул за дверь, которую Том для меня отпер.

– Можешь через магазин уйти, просто засовними. Осмотрись сперва только, – шепнул он.

– Я понял.

Дверь за мной закрылась, я остался один в темноте, в окружении смутно видимых пылесосов на полках. Нагнувшись, я подкрался к витрине, выглянул через стекло из-под наклеенного рекламного плаката, гарантировавшего, что с пылесосами «Софтвинд» справится любая женщина.

Машина. Чуть дальше по улице, у входа во двор, но в машине никого не вижу. Не знаю, сколько людей приехало, но они все пошли к Тому, похоже.

Тихо отодвинул хорошо смазанный и почти бесшумный засов, приоткрыл дверь, огляделся. Да, никого, переулочек пуст, лучше идти прямо сейчас. Тихо наружу, придержать дверь, чтобы пружина ею не хлопнула. Вот так, нормально. И по переулочку в сторону от Костюшко, опять в обход.

Машина оказалась четырехдверным «Плимутом», вроде бы серым, но сейчас уже темно, а именно в этом месте света мало. В салоне и вправду никого нет, от мотора тянет теплом. Точно, это как раз визитер Тома или визитеры на ней подъехали. Ну да ладно, мне главное ни с кем лишним здесь не встречаться. Так что я прибавил шагу и направился дальше, вдоль по переулочку, где светилась вывеска маленького бара, неоригинально для этих краев называвшегося «Пирамида». Чуть дальше по улице какой-то человек в кепке набекрень шел, заметно покачиваясь, как раз из бара, наверное, а больше и никого. Слышен шум со стороны главной улицы, где-то женщины переговариваются на польском – наверняка из окна в окно, судя по тому, что так громко, еще пахнет жарящимся луком откуда-то.

Человек в светлом костюме и панаме-федоре вышел из бара неожиданно, прямо мне навстречу. Коренастый, смуглый, со смешно оттопыренными круглыми ушами, почти на которых сидела низко надвинутая шляпа. В руке несколько пачек сигарет – он за ними,

наверное, в бар и забегал. И сигарета в углу рта. Типаж самый гангстерский, тут не ошибешься.

Человек глянул на меня, я же сделал вид, что не обратил на него никакого внимания, просто пошел дальше быстрым шагом. А затем, через несколько секунд, к моим шагам присоединились другие, громко топающие каблуками об асфальт. Ему в эту сторону или он за мной?

Шаги сзади ускорились, ну и я тоже прибавил шагу. Как-то мне не нравится это все, если честно.

– Эй ты! – окликнули меня сзади. – Стой, подожди меня!

Американисто звучит, а вот выглядит он скорее как... ну да, как сицилиец, например. Или другой южный итальянец. И нажим в голосе профессиональный, вроде как «бойся меня». Но я ждать никого не стал, равно как и оглядываться, а просто перешел на легкий бег.

Обогнал пьяного, который даже головы в мою сторону не повернул, но обдал таким запахом спиртного, что я, несмотря на обстоятельства, успел поразиться.

Если за мной человек Антенуччи и он меня узнал, то мне совсем не нужно, чтобы кто-то запомнил, что меня можно искать через Тома. Нет, меня так просто не найдешь, и Том понятия не имеет, кто я такой, но ведь если потрясти Тома как следует, а эти ребята вытрясти могут и душу из черта, то от него можно узнать о том, что я могу прийти опять, за ответом. И еще Том может пообещать дать знать кому надо, если я появлюсь тут снова.

Поэтому бежал я не очень быстро, а так, чтобы человек в светлом костюме, с виду не слишком приспособленный к бегу, все же от меня не отставал совсем, видел меня впереди. И он видит, я услышал ругательство, а шаги затопали чаще. Как можно дальше его увести, чем дальше – тем лучше, туда, где те или тот, кто приехал с ним на «Плимуте», не смогут к нему присоединиться.

Только куда? Куда-нибудь в подворотню – подворотен тут много, правда, я не знаю, что в какой находится, как бы не загнать себя в ловушку или туда, где женская компания вышла посидеть вечерком во дворе. Район тут жилой...

Одна подворотня слева – там ворота, калитка закрыта. Вот задняя аллея, но в ней фонарь яркий светит – тоже плохо, и вообще пока близко от того места, с которого он за мной погнался. Вон еще подворотня справа на этот раз, но за ней дворик какой-то крошечный и множество окон в него... дальше, дальше. И пусть он разозлится и запыхается.

– Стой, ублюдок! – А дышит-то уже запаленно, тяжеловат он бегать, комплекцией вроде тумбочки и брюхо заметное. – Стой, я тебе кишки выпущу! – Ну да, самое правильное обещание для того, за кем гонишься.

Вон опять задняя аллея, и вроде темная, и вход в нее темный, фонари далеко. Как раз то, что мне нужно. А ну ходу, мне сейчас отрыв нужен, он все равно успеет разглядеть, как я туда свернул.

Надал из всех сил, скорее завалил себя в поворот, чем просто свернул. Вон большой бак мусорный, за ним вообще темень, но он как раз на ту тень и насторожится, поэтому прямо к стене, к самому углу, и пистолет из подмышки в руку, предохранитель сбросить.

Он как паровоз дышит и топают как конь, но ходу не сбавляет. Все, включился у него инстинкт даже не охотника – охотники осторожные, а бандита, у которого жертва может уйти. Он уже роли в голове поделил: я – жертва, он – хищник. Не думает больше ни о чем. Вот он рядом...

Я сбил его с ног простой подножкой, и он полетел носом вниз на грязный асфальт, а

револьвер с пачками сигарет заскользил дальше, с тихим металлическим звоном. А в следующую секунду я оказался у него на спине, сильным ударом прижав его коленом к земле, а мой ствол уперся ему в затылок.

– Не дыши даже.

– Мы тебя кишками твоими удавим! – тяжело, с сипом выдохнул он. – А за это...

– Ты из команды Антенуччи, верно?

– ...на фонаре повесим и выпотрошим, ублюдок. Мы те...

Он не закончил, потому что разговаривать я и не собирался на самом деле. Я его даже узнал – он там в низовых мобстерах, наверное, его поэтому за сигаретами и послали. Мне нужно было время, чтобы перехватить оружие в левую руку, выдернуть из-под задравшейся штанины маленький «маузер», упереть его «человеку чести», если его уже в такие посвятили, в сгиб толстой шеи у самого затылка, сбросить предохранитель и нажать на спуск. Хлопнуло совсем негромко, как я и рассчитывал, а тело подо мной тут же обмякло так быстро, словно его от электричества отключили, как Том свои пылесосы. Даже эха никакого не было, словно в ладоши хлопнули.

– Тс-с, – сказал я, обращаясь уже к труп. – Я, может, и не убийца, но это не потому что не умею, а потому что этого не люблю. А идиоты вроде тебя часто путают вежливость со слабостью.

Огляделся. Так, вон гильза, у самой стены, подобрать первым делом. Револьвер убитого, сигареты – все в помойку, благо рядом. Так, теперь его перевернуть и карманы вывернуть... так, пачка пятифунтовых банкнот в серебряном зажиме... дорогие часы... из ценного все вроде бы. Пусть будет похоже на ограбление. Если и не поверят, то все равно задумаются.

Да, шляпа его, чуть не пропустил, тоже в мусор. Теперь его самого... не измазаться, но крови нет, пуля маленькая, патрон слабый, а умер он мгновенно: сердце тут же остановилось. Его к мусорному контейнеру – пусть найдут как можно позже, уже уборщики. В идеале его бы вообще куда-нибудь вывезти и закопать, но не думаю, что получится, машина в этом месте слишком много внимания привлечет. Да и кто знает, кто тут окажется, когда я на ней подъеду. Так что пусть так.

Тяжелый, черт, даром что совсем невысокий, еле поднял его, ухватив спереди за пиджак и пояс брюк, чуть сам не упал. Перевалил через край мусорки, выдохнул. Все, теперь надо смываться и при этом вообще не попадаться никому на глаза. Шляпу на лоб и все светлые места обходить. И кругами, кругами к стоянке.

В переулках было пусто, лишь несколько человек встретилось, но никто меня не разглядывал и тревогу не поднимал. Минут за пятнадцать дошел до кинотеатра, где нашел свою машину на прежнем месте в целости и порядке, завел ее и уехал, старательно неторопливо, чтобы вообще внимания не привлекать. По пути в Латинский квартал сделал крюк через совсем чужой район, остановился у очередной помойки, куда и выбросил часы и зажим для денег. Ну а деньги оставил. Не считал, но тут не меньше полусотни фунтов. Будем считать, что убитый мне за труды и нервы заплатил. Проехал потом мимо церкви и бросил их в бронзовый ящик для пожертвований, пусть хоть польза с покойного будет.

Себе такие деньги оставлять не хочется, у «людей чести» все деньги очень грязные. Я, конечно, и сам не ангел, но беру не свое только у преступников и всяких банков, а банки в наше время – преступники почище остальных, Великая депрессия – их рук дело, и мир только сейчас из нее выныривает, так что сочувствия к банкам не испытывает никто. Почему Джон Дилинджер был так популярен? Да потому что грабил банки, изображая из себя

джентльмена, и американцы в большинстве своем ему просто сочувствовали. А вот «люди чести» свои деньги выбивают все больше «снизу», отнимая и насаждая пороки. Пусть какой-нибудь бестолковый работяга проигрывает все свои деньги в их притонах, вроде и сам дурак, но если бы не было игр в задних комнатах и подвалах баров, то они бы и не играли, пожалуй. Разве что совсем отпетые. Да и как устроены бордели под покровительством мобстеров – тоже всем известно – натуральное рабство. Про героин я и не говорю. Так что плохие у них деньги, нельзя такие себе оставлять. Нет, понятно, что деньги из сейфа букмекерской конторы такие же грязные, но разница все равно понятна, пусть и интуитивно, верно?

Так что грабить Антенуччи хоть и рискованно, но приятно, тут я должен сознаться. Сам Антенуччи приехал сюда из Нью-Йорка, с целой командой своих головорезов. Давно приехал, так что Маленькая Италия стала его вотчиной почти сразу, как сформировалась. Потом туда подтянулись «люди чести» с Сицилии, пару раз случались войны между «усатыми», как называли коренных сицилийцев, и «американцами». Самого Антенуччи дважды почти взорвали, но оба раза именно в этот момент он почему-то менял планы, так что в первый раз погиб только его водитель, а второй раз посетители его любимого ресторана, родственники которых получили неожиданно щедрые анонимные подарки в конвертах. В него пытались стрелять, на него устраивали засады, но все без толку, все мимо.

Антенуччи вытеснил со своей территории враждебных «усатых», а вместо них с родного острова подтянулись другие, из семьи Каstellамаре, какие с ним общие дела вели по героиноному транзиту. Они признали за ним главенство в Новом Каире, так что дальше война у них случалась только с ирландцами из соседнего района, которых они оттеснили из доков, и сейчас, по слухам, были какие-то проблемы с корсиканцами, которые сами намерены были контролировать поставки героина в Европу, а Антенуччи претендовал на все, на все маршруты.

Ходили слухи, что неуязвимость Антенуччи имеет причиной Камень Силы, большой идеально чистый заряженный бриллиант, который тот не снимал с шеи даже в ванной, и заклятие в нем нацелено было именно на защиту владельца. Заминировали ему машину, а он в последний момент что-то почувствовал и не поехал никуда. Можно в это верить, а можно и нет, но добыть настоящий Камень Силы даже боссу моба не по весовой категории, они все наперечет и предназначены таким избранным людям, к каким нью-йоркскому бандиту и близко не подойти, но все же он противоестественно удачно уворачивался от всех попыток его убить. Лично я все же верю. Настолько верю, что даже мечтал этот камень у него увести – самому бы сейчас очень пригодился, но выходит так, что если камень существует, то он защищает самого себя.

[Купить полную версию книги](#)

---

notes

Tanner – шестипенсовик.

Гинейя – один фунт и один шиллинг. Денежная единица, использовавшаяся больше в «выражении особой благодарности». Художнику за портрет, например, платили в гинейях. Запросил десять фунтов, а дали десять гиней, например.

Поскольку Иан британец, а не американец, он использует эпитет *bloody*, что вполне заменяет американское *fucking*, а вот внятного перевода на русский по своему значению не имеет. «Сраный» или «мерзкий» ближе всего.

«Федора» – классический «гангстерский» фасон шляп, популярный в тридцатых.

Лупара – обрез охотничьего ружья, традиционное оружие пастухов и мафиозо в Сицилии.

Гини (guinea) – презрительное обращение к американцам итальянского происхождения. Основано на смуглой коже южных итальянцев, из-за чего их называли «гвинейскими неграми» (Guinea Negros).

На самом деле Луи Лепле вроде бы даже и не был ее любовником, а лишь поклонником таланта и владельцем кабаре «Жернис» на Елисейских Полях, где и началась карьера Пиаф. И оставил он ей совсем небольшую сумму, но газеты и публика тогда раздули это в скандал. Люди специально шли в кабаре, чтобы срывать ее выступления. Но в следующем году скандал утих, и карьера Пиаф снова пошла в гору.

Outfit – одно из жаргонных названий организованной преступности.

На самом деле ограбление почтового вагона провернул Алвин Карпис, его опознали позже, Сингера никто не подозревал, он сам давно ничего не грабил, а после его нашли и арестовали. Но я решил, что для художественного эффекта сойдет.

Suicide door (самоубийственная дверь) – передняя дверь машины, открывающаяся против хода движения. Считалась удобной для входа и выхода, но из-за того, что рукоятка всегда была в районе колена, а встречный ветер при нечаянном открытии распахивал дверь настежь, случалось, что люди вываливались из машины на повороте.

Джипси Роуз Ли и Шерри Бриттон – американские звезды бурлеска 30-х годов XX века.

Школьный галстук – обычный галстук, но всегда в диагональную полоску с цветами эмблемы школы, в которой учился носитель одного галстука. Часто используется как способ найти «своих». Некоторые галстуки обозначают место службы человека или какие-нибудь общества.

Именно так все и произошло. Мафия знала, что Гувер имеет нетрадиционные наклонности, и владела кое-какими доказательствами. В результате он отрицал сам факт существования мафии до самой своей смерти.

На самом деле с тысячной купюрой произошел курьез. Хотя под портретом написано «Кливленд», авторы ошиблись и разместили вместо президента портрет похожего на него генерала Джорджа Мида.